

DRAMA QUEENS

или Переполох
на школьном балу

Дана
Делон

Ксюша
Левина

Виктория
Побединская

**Дана Делон
Ксюша Левина
Виктория Побединская
Drama Queens, или
Переполох на школьном балу**

*http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=70248721
SelfPub; 2024*

Аннотация

Когда-то Тейлор, Пенни и Кэтрин были подругами. Все изменила сгоревшая в Новый год елка и омела под потолком в доме Люка Уилсона. С тех пор прошло шесть лет. Пенни все так же влюблена в друга детства без надежды на взаимность. Ведь он звезда баскетбола, а она всего лишь заурядная девушка, поющая в хоре. Тейлор готовится стать королевой бала. Но, чтобы получить школьную корону, ей нужно найти спутника на вечер. Кэт занимается организацией школьного бала и воспитанием обаятельного хулигана, который норовит украсть ее сердце и превратить праздник в новогоднее безумие. Когда часы пробьют полночь, кому достанется корона, поцелуй и сердце красавчика?

Содержание

ПРОЛОГ	4
Глава, в которой Кэтрин находит, Тейлор теряет, а Пенни влюбляется еще сильнее	14
Глава, которая доказывает, как много может изменить одно сообщение	51
Глава, в которой Пенни знакомится с Майклом Джорданом, Тейлор извиняется, а Кэтрин нет	98
Конец ознакомительного фрагмента.	117

Ксюша Левина, Виктория Побединская, Дана Делон Drama Queens, или Переполох на школьном балу

ПРОЛОГ

Шесть лет назад

ПОГОВАРИВАЮТ, ЧТО, ЕСЛИ БЫ елка в тот вечер не загорелась, Пенни Браун, Кэти Ли и Тей Джонсон остались бы подругами. Возможно, с кем-то из них начал бы встречаться Люк Уилсон, а может, и нет.

Возможно, все вообще перевернулось бы вверх тормашками и королевой зимнего бала стала бы Пенелопа Браун, Кэтрин Ли запела бы в церковном хоре, а Тейлор Джонсон получила бы должность президента школы. Но, увы, теперь мы этого не узнаем, потому что елка в гостиной семьи Уилсон все-таки пала жертвой подсвечника, который, в свою очередь, опрокинулся из-за разбившейся вазы. В этом были

также замешаны щенок по кличке Ральф, галстук и поцелуй под омелой.

За час до катастрофы Люк Уилсон еще не знал, чем закончится новогодняя вечеринка. Он сидел на софе у камина и страдал из-за того, что его нарядили в костюм-тройку и даже повязали на шею галстук-удавку, который мальчик то и дело растягивал.

Мама строго-настрого запретила галстуки с рисунком, назвав их детскими, и не позволила избавиться от бордового бархатного жилета.

Куда комфортнее Люк чувствовал бы себя в баскетбольной форме, которую получил совсем недавно и которой безумно гордился. В красной майке с волком во всю спину Уилсон казался себе даже на пару сантиметров выше и ловил в коридорах первые восхищенные взгляды девчонок. Еще бы!

Спортсмен – это высшая лига, как ни крути. Интересно, девчонки, сидящие напротив, оценят, что он гордо носит личный номер на спине? Или им плевать?

Люк плохо знал гостей. Его родители совсем недавно купили дом в этом районе: отец получил должность заведующего хирургическим отделением в местной больнице, из-за чего пришлось сменить и город, и школу. Большую часть времени в шестом классе Люк потратил на баскетбол, общаясь исключительно с парнями из команды и мечтая однажды покорить стадион, уже будучи «большим баскетбо-

листом» (так они называли ребят из старшей школы). Люк Уилсон получил от старших прозвище Маленький Волк за самый точный бросок, ставший легендарным на целую неделю, и все, о чем он теперь мечтал, – это снова рассказать про свой триумф, но кому? Этим противным шестиклассникам? Спасибо, не надо.

Девчонок привели в дом новые коллеги родителей – Брауны. Они переехали в этот район

одновременно с Уилсонами, грузовики с вещами перепутали адреса, и семьи вроде как подружились.

А может, дело было в том, что их родители работали в одной больнице? Разумеется, не все три девочки были дочками Браунов, а только та, что с челкой как у пони. Крошечная для своего возраста девочка, имени которой Люк не запомнил. Они виделись всего пару раз в школе и один раз в больнице, в кабинете его мамы.

Люк также знал Тейлор. Она была настолько яркой и красивой, что все заранее мысленно дорисовывали ей корону королевы школьного бала.

Она явно была крутой девчонкой. Ее привела с собой семья девочки-пони, потому что они вроде как были подружками.

Кэти Ли была Люку печально известна. Она была бойкой и внушала страх. И бегала быстрее всех. В начале года Люк даже втайне обрадовался, что зачет у мальчишек и девчонок принимали по отдельности и ему не пришлось краснеть из-за

того, что эта Кэти носится, как маленькая пуля.

И это при том, что с очками на носу она выглядела полной заучкой. Зато у нее были самые крутые кроссовки в классе.

– Так как, говоришь, тебя зовут? – наконец спросил он, не выдержав молчания и неизвестности. Последние полчаса Люк ломал голову, как же зовут Челку Пони. Их же знакомили, а у него в голове крутилась только первая буква – П.

– П-п...

Стоило их взглядам пересечься, и девочка-пони покраснела. Ну точно что-то на П.

– Пенелопа! – громко ответила за подруг Тейлор.

– Ясно.

Люк притворно закашлялся, окончательно растянул галстук, и тот развязался. Украдкой поглядывая по сторонам, он сунул своего главного врага на этот вечер в фарфоровую вазу с лагурусом, стоящую у камина, и удовлетворенно улыбнулся. Мама ничего не заметила.

– Может, это... поиграем?

– Во что?

Кэти склонила голову набок и вздернула брови.

Это выглядело так, будто она ставит его предложение под сомнение. Кажется, эта девочка была очень умной, и с ней явно есть о чем поговорить, но Люк сомневался, что сам достаточно умен. Он получил тройку за сочинение по литературе, а сочинение Кэти зачитали перед классом, и она даже бровью не повела, будто это в порядке вещей.

– Мне кажется, мы слишком взрослые, чтобы играть на вечеринках в детские игры, – кивнула Тейлор.

– И слишком маленькие для игр в бутылочку, бир-понг или типа того, – пожала плечами Кэти.

Она была очень стройной и хорошенькой, даже несмотря на очки, а это не так-то просто, стоит признать. У нее были гладкие темные волосы, бронзовая кожа, несмотря на середину зимы, и цепки взгляд.

– И я с-со-совсем не уверена, что с-с-справлюсь со спортивными играми, – вздохнула, заикаясь, Пенни.

– Я-асно, – в который раз за вечер протянул Люк.

Его вообще-то прилично достала эта вечеринка.

Наверху ждали приставка – подарок на Рождество, бутылка газировки и большая пачка начос (их он стащил с кухни и припрятал еще утром). Но ему было велено развлекать этих девчонок, которых мама называла маленькими дамами.

– А ты, значит, баскетболист? Видела, тебя приняли в команду.

Тейлор прищурилась, ее щеки порозовели, но Люк понятия не имел, что это может значить. Девчонки были для него загадкой, как и для большинства двенадцатилеток. Ребята постарше делали вид, что во всем уже разбираются, но Люк им не верил, иначе бы они все уже с кем-то встречались, а такого не наблюдалось. Но сидящие напротив него Пенни, Тейлор и Кэти были какими-то совсем непонятными. Они то краснели, то улыбались, то бросались колкостями. Кон-

центрация девчонок в доме зашкаливала, а приставка так и ждала своего часа.

– Да, типа того, – ответил он Тейлор, и она ему улыбнулась. – А ты типа будущая королева бала?

– Да, типа того.

Ее улыбка стала еще шире. Белокурые волосы покрывали спину до поясницы, как у диснеевской принцессы, а голубые глаза были просто огромными. Рядом с ней меркли обе девочки, хотя Люк все время косился на Пенни-пони и ему даже казалось, что она очень миленькая. Всякий раз, как их взгляды встречались, щеки у Пенни-пони краснели, и это определенно вызывало волнение у самого Люка. А еще он то и дело возвращался взглядом к Кэти. Быстро бегает, цепкий взгляд, умная. Кэти Люка восхищала.

– А ты, Пенни? Кем ты себя видишь?

Он просто заполнял болтовней неловкие паузы, и все это понимали.

– Я... никем. Уж точно не королевой. И определенно не баскетболистом.

У нее был совсем тихий голос, так что Люк приходилось напрягать слух, чтобы разобрать, что она говорит.

– Пенни тоже может стать королевой. Она ничуть не хуже меня, и ты бы видел, как она рисует! – тут же строго заявила Тейлор. – И поет.

Она очень красиво поет и ходит в школу искусств, между прочим. И она будет гением биологии!

Пенни в очередной раз залилась краской и отвернулась.

– Не пойдешь по стопам родителей?

– Ни за что! – слишком резко выпалила Пенни, и почему-то Люк ее понял. Он тоже не

собирался становиться врачом, хотя, кажется, уже слышал, как родители об этом говорили.

– А ты? – кивнул он Кэти.

Она оторвала взгляд от книжки, которую минутой ранее сняла с каминной полки.

– Стану президентом.

– Президентом... школьного совета?

– Президентом США, – очень по-взрослому пресекла все сомнения Тейлор.

Кажется, девочка очень гордилась своими подругами, и это Люку понравилось. Еще нравилось, что она ему улыбается и кажется в нем заинтересованной. Люк раньше не общался так близко с заинтересованными в нем девочками и не понимал, что следует делать.

– Скоро полночь, ребята. – Отец Люка подошел к камину и, откашлявшись, многозначительно посмотрел на шею сына, где определенно не было галстука. – Неплохо бы привести себя в порядок.

– Я... запачкал его, пап.

Люк посмотрел на девочек, и все трое сделали вид, что так и было. Отец усмехнулся. Люк перевел взгляд на вазу с лагурусом и мог бы поклясться, что доктор Уилсон сделал

то же самое.

Мама прошла по комнате с длинными каминными свечами и зажгла свечи, что украшали сегодня гостиную, хотя, пожалуй, загляни она в будущее, не стала бы этого делать. Щенку Ральф разрешили спуститься на первый этаж, чтобы вся семья была в сборе, – это тоже было совершенно

лишним. Ральф, как выяснилось позже, питал страсть к галстукам. Уилсоны мало что знали про своего пса. Родители подарили Люку щенка ирландского волкодава в тот день, когда он получил форму «Волков Деполе». Теперь будущая гроза района со страхом и интересом поглядывал на елку и галстук, кончик которого торчал из вазы.

Девочки встали с дивана. Самой высокой оказалась Тейлор: она уже носила каблуки, хотя и небольшие. Самой низкой – Пенни: она едва доставала Люку до подбородка и могла сойти за семилетку.

А вот с Кэти Люк столкнулся нос к носу, и оба из-за этого рассмеялись. Чертова Кэти – самые быстрые ноги школы Деполе. «Зато я играю в баскетбол, а она всего-то станет президентом», – подумал Люк и еще раз напоследок улыбнулся Кэти, прежде чем идти к родителям. Девочки последовали за ним и остановились перед фуршетным столом с горкой шампанского.

– Омела, – тихонько произнес кто-то рядом.

Кэти завороченно смотрела вверх и даже сделала шаг назад, чтобы рассмотреть омелу получше.

Все три девочки стояли под одной из веточек омелы, которыми мама украсила гостиную, и Люк вспомнил, что вообще-то есть традиция целоваться под омелой. Его мысли пошли дальше, и он стал думать, кого из них троих бы выбрал. А через пару минут ему почему-то уже казалось, что так он и должен поступить – кого-то из них поцеловать.

Омела, Новый год, эти девчонки. Логично же, что в итоге все должно закончиться новогодним чудом?

Тейлор была самой красивой, Кэти, кажется, самой интересной, а Пенни, с челкой как у пони, – самой милой. Муки выбора длились недолго. Часы пробили двенадцать, мистер Уильямс открыл шампанское, все начали друг друга поздравлять, обнимать и целовать в щеки. Люк сжал пальцы в кулаки и еще раз покосился на девчонок, которые, посмеиваясь, пили газировку из бокалов для шампанского, даже не подозревая, о чем сейчас думает их «кавалер».

Бум! Еще одна бутылка шампанского открылась.

Люку показалось, что Тейлор посмотрела на него выжидаательно, а Пенни и Кэти как будто отступили в тень. А может, нет? Может, это Пенни отступила, оказавшись к нему ближе всех, отгороженная от остальных пушистыми лапами исполинской ели? Или нет, Кэти. Разумеется, это она стоит с таким же выражением лица, как тогда, когда победила всех в беге на короткую дистанцию. Она словно спрашивала: «Ну что? Слабо?»

Спустя пятнадцать минут вечеринка закончилась наполо-

вину сгоревшей елкой, разбитой фарфоровой вазой и концом дружбы Кэтрин Ли, Пенелопы Браун и Тейлор Джонсон. Но это совсем другая история.

Глава, в которой Кэтрин находит, Тейлор теряет, а Пенни влюбляется еще сильнее

Шесть лет спустя

ВОТ УЖЕ МНОГО ЛЕТ жизнь Кэтрин Ли шла словно под стук метронома, отбивающий четкий ритм.

Удар кроссовки о землю. Выдох, превращающийся в белый пар. Вдох, снова удар. Биение сердца в такт легким шагам. Хлопок дверцы шкафчика в коридоре. Школьный звонок. Треск заведенного будильника. Входящее сообщение: «Собрание в четыре. Все, как ты и просила, будут». Разумеется, будут. Потому что она не просит. Она говорит, а другие делают.

Только так в этом мире все продолжает работать четко и исправно, как швейцарские часы. Росчерк чернил по бумаге. Там, где с пометкой «организационный комитет» фраза «утвердить проект сцены» обведена трижды.

«Позвонить в цветочную лавку, заказать омелу», – дописала она в список дел и захлопнула

ежедневник в кожаном переплете. Любимый. С золотой каемкой по краю. Один из десятка, что стопкой высятся на

краю ее стола словно заготовленные инвестиции. Ее верные союзники в ежедневно войне со школьной бюрократией и бестолковыми учениками. Сколько ветвей понадобится? «Нужно узнать площадь зала», – сделала она пометку, подумав, сколько же нелепых традиций придумали люди, просто чтобы заставить кого-то себя поцеловать. Глупая романтика. Кому она вообще сдалась?

Давайте наконец признаем, что Николас Спаркс, Джейн Остин и сестры Бронте слишком долго пользовались нашими жаждущими романтики сердцами. Романтика в двадцать первом веке мертва.

Леди давно могут постоять за себя сами, не хлопая ресницами и не закатывая глаз. А байроновские идеалы – не больше чем глупые мечты глупых школьников.

К восемнадцати Кэтрин очень четко осознала бесполезность слова «любовь» и научилась прятать свое сердце под белыми рубашками с острыми отглаженными воротничками надежнее, чем за тяжелыми дверьми стальных сейфов. Сколько их, этих дверей? Она и сама не знала.

Учеба, школьный комитет, подготовка к поступлению в Лигу плюща, помощь бездомным в церкви Святого Патрика по субботам, а еще ворох мелких встреч, разговоров и записей в ежедневнике, расчерченном разноцветными полосами. Где-то там, под грудой всего, за решетками блокнотной разливки пряталось ее сердце. Хотя большинство выпускников Деполе вообще сомневались, что оно у нее имеется.

– Кэт, глянь, так нормально?

Она повернулась, бросив взгляд на растяжку, которую двое десятиклассников старались укрепить прямо напротив входа: «Ежегодный новогодний бал». Последнее слово крепилось набок, будто еще до начала бала «накинуло».

– Кажется, здорово получилось, да?

«Безусловно», – нахмурилась Кэт.

Школа Деполе всегда славилась вечеринками с размахом. Причем каждый новый выпускной класс считал своим долгом превзойти предыдущий, просто чтобы следующий тоже мог попытаться утереть им нос. Зачем? Изначальный смысл был уже давно утрачен, но по привычке бюджет для этого дела выделялся воистину громадный.

А значит, требовался такой человек, который не подведет.

– Пусть художник наберет мне минут через десять. Поговорим.

И уж ему она точно скажет все, что думает о вывеске. И дело было не в придирках вовсе, хотя о ее диктаторских замашках разве что легенды не ходили. Кэтрин было наплевать. Руководство школы ей доверяло. Это главное.

– Кэтрин, дорогая, без тебя здесь все просто рухнет, – в сотый раз пропел мистер Эрлингтон, заместитель директора по административным

вопросам, как обычно появляясь не когда нужен, а чтобы бросить довольный взгляд на проделанную другими работу.

Девушка саркастически хмыкнула. Он ни раз не поинте-

ресовался, нужна ли помощь, хватает ли денег или хотя бы просто как дела. Даже сейчас он, кажется, понятия не имел, зачем в спортивном зале собралась куча людей, не имеющих отношения ни к спорту, ни к оформительским работам.

Через десять минут должно было состояться первое собрание с номинантами, которых совет объявил накануне, и Кэт заранее не ожидала от этой встречи ничего хорошего. Одна только Тейлор Джонсон чего стоила, а таких, как она, будет восемь, да еще их пары и группа поддержки. Нужно было сделать встречу закрытой с самого начала.

– Благодарю, сэр, – ответила девушка.

Ручка в ее руке заскользила по бумаге. «Написать доклад по английской литературе; развесить афиши мероприятия», – добавила она в ежедневный перечень дел. А потом дверь зала распахнулась, и Кэт поморщилась. Тейлор в сопровождении своей галдящей, словно стая птиц, свиты вошла внутрь. Сквозь витражные окна, заливая зал, пробивался свет. В нем волосы Тейлор казались почти чистым золотом, локонами обрамляя плечи и будто подсвечивая их. Даже уборщик и мистер Эрлингтон проводили ее взглядом, пока она шла к сцене.

Серая юбка в клетку, рубашка, галстук. На ногах модные лоферы кобальтового цвета.

«О черт, точно!» – потерла Кэт переносицу, по привычке желая сдвинуть наверх очки, все время забывая, что уже год как их не носит. «Попросить фотографа переделать на

портрете Тейлор кобальтовую рубашку в белую». – И сверху дописала красной пастой – а красную ручку Кэтрин использовала лишь в исключительно раздражающих ее случаях: – «Выслушать нытье фотографа, выслушать претензии Тейлор, потому что ей все равно ничего не понравится, и послать ее к черту!»

О да, на секунду Кэт испытала прилив восторга.

Но чувство перфекционизма все равно не позволило этот пункт оставить, потому что еще в прошлом году она дала себе обещание не связываться с это стервой, так что вымарала последние слова корректором.

– Мне не нравится, как здесь падает свет. Можем мы поставить искусственное освещение по краям сцены? – раздался голос Тейлор. – И это сцена такая?

Ну вот, начинается. Для проведения бала выделили старый спортивный зал, явный плюс которого заключался в том, что желающих использовать его хоть подо что-то не было. Минус же заключался в том же: помещению требовался ремонт.

– Господи, как здесь пыльно!

До сих пор не верилось, что когда-то они дружили. Кэтрин было восемь, когда в ее класс пришла новая девочка. Первая мысль, которая мелькнула у Кэт в голове: какая она красивая! Нет, Пенни,

сидевшая за одной партой с Кэт, тоже была симпатичной, но эта – другой. Галактической. «Может, ее пришельцы за-

бросили?» – думала Кэти.

Девочка вошла, когда все уже заняли свои места, хотела сделать шаг, помахав в знак приветствия, но споткнулась, распластавшись у самого порога. Из ее розового пенала посыпались разноцветные фломастеры. Все засмеялись. Маленькая Тейлор подняла взгляд, в котором застыли слезы, и схватилась за поцарапанную коленку.

– Давай помогу, – кинулась на выручку Кэти, сидевшая ближе всех, всегда на первой парте, и принялась собирать выпавшие вещи. Следом за ней поднялась Пенни, достала закатившийся под стул фломастер и протянула новенькой:

– Вот, держи.

Тейлор шмыгнула носом, а потом вдруг улыбнулась. Она еще не знала, что больше никто и никогда не станет над ней смеяться. Так же как и то, что эти две девочки станут ее лучшими подругами.

А потом все рухнет.

Иногда Кэт казалось, что девчонки скучают по тем временам, но потом, наблюдая, как Тейлор и Пенни игнорируют друг друга, Кэтрин убеждалась: зря. В этом мире мало кому вообще есть дело до других. Если лучших подруг может рассорить на шесть лет такая ерунда, как вообще можно верить в дружбу? «Напомнить матери принять лекарства», – дописала она список. Стул рядом с не скрипнул, и на стол легла бумага.

– Что это? – спросила Кэт.

Мистер Эрлингтон чуть наклонился, словно намекая, что содержание документа носит сугубо конфиденциальный характер, и пробормотал:

– График отработки. Сто шестьдесят часов общественно полезных работ.

– У кого?

– Вон у того парня.

Кэтрин медленно подняла голову, разглядывая незнакомца. Он явно был не из Деполе. Но главное, на что она обратила внимание, – выражение лица. Раскаивающимся он не выглядел совершенно. Скорее насмехался. Его абсолютно точно веселило происходящее, потому что даже отсюда она могла разглядеть смешинки в его глазах.

– Он помогает днем с уборкой. Но я решил, что и тебе здесь понадобятся лишние руки, – довольный собой, произнес мистер Эрлингтон.

– А можно его убрать? – не поворачивая головы, шепнула Кэт. Теперь парень смотрел прямо на нее, будто в него был встроен внутренний радар, засекавший малейшее движение. – Вдруг он опасен или что-то вроде того?

– Брось, Кэтрин, не выдумывай. Будешь отмечать часы в этой таблице и в конце недели передавать ее инспектору. Полиция может проводить проверки, так что, ты же понимаешь, дело серьезное.

На кого нам еще положиться?

– Вы издеваетесь? – воскликнула Кэт, резко развернув-

шись к мистеру Эрлингтону. – Мало мне

школьного совета, бала, еще и вот этого держать под надзором? А если он что-то украдет?

– О, он определенно постарается, – раздался незнакомый голос, и Кэт, вздрогнув, обернулась.

Рядом стоял тот самый парень. Ее взгляд замер на уже заживающем синяке у него на скуле и маленьком пластыре, пересекавшем рассеченную кожу.

– Увы, не бровь, – улыбнулся парень, и Кэтрин на мгновение опешила, застуканная на том, что кого-то так явно разглядывает.

– Что? – пробормотала она.

– Не суждено мне ходить с брутальным шрамом, – как ни в чем не бывало ответил он. – Сколько по морде ни бьют, все мимо. Черт!

– Хитклифф, угомонись, – недовольно одернул мистер Эрлингтон. – Твои шуточки тут совершенно неуместны!

«Хитклифф? – опешила Кэтрин. – Да вы точно издеваетесь!» Неужели своим пассажем она потревожила душу одной из сестер Бронте?

Рядом раздался громкий смех. Компания Тейлор снова над чем-то, а может, кем-то потешалась. Гарри, ее парень, размахивая руками, что-то рассказывал о прошедшей тренировке. Тейлор улыбалась одной из своих легендарных улыбок.

Просрали игру? Домашку съела собака? Придурок Сти-

вен Буковски снова попал на твою одежду кетчупом? Один взмах ресниц Тейлор Джонсон – и проблема исчерпана. А если она вам еще

и улыбнется, забудешь и о том, что в аттестате D с минусом.

– Ладно, Кэт, познакомьтесь пока, определи парню фронт работ, и, думаю, вы справитесь, – напоследок распорядился Эрлингтон и исчез.

«Прекрасно!» – подумала Кэтрин, снова оценивающе посмотрев на этого Хитклиффа. Джинсы черные, продранные на коленях, толстовка с чуть поддернутыми рукавами. На запястьях хорошо не наручники, а какие-то странные браслеты, на ногах потертые кеды откуда-то из восьмидесятых.

Темные, почти черные волосы в таком идеальном беспорядке, что уже только за это стоило его возненавидеть. Со своими Кэт каждое утро приходилось воевать.

– Что ж, – выдавила она, – судя по всему, твоя мама поклонница английской классики.

– Неужели это так очевидно? – широко улыбнулся парень. А улыбка у него слишком яркая и лучистая. Таких улыбок не должно быть у преступников.

– Там подожди, – бросила Кэтрин. – Я закончу, и поговорим, – и снова невольно оглянулась на остальных.

Гарри снова травил свои несмешные шутки.

Девчонки рядом смеялись. Вот только не Тейлор.

Бросив на своего парня странный колкий взгляд, она

лишь сдержанно улыбнулась. Кэтрин не могла не заметить, насколько эта улыбка фальшива. И не только потому, что знала, насколько фальшива ее

хозяйка. Почему-то именно сейчас Тейлор Джонсон выглядела не как звезда школы, а как споткнувшаяся маленькая девочка, которая рассыпала свои фломастеры.

* * *

Тейлор Джонсон терпеть не могла, когда ей врут.

Больше всего на свете она ненавидела чувствовать себя идиоткой. А самая большая ошибка, которую она допускала из раза в раз, была в том, что она недооценивала способность людей совершать гадкие поступки. Девушка зажмурилась, стараясь не делать глубоких вдохов. В воздухе витал отчетливый аромат мужского одеколона. Вот только запах исходил не от ее парня. Эмбер Новак стояла рядом и как ни в чем не бывало тараторила полнейшую чушь. А от нее несло ложью, предательством и одеколоном Calvin Klein – подарком Тейлор Гарри на три месяца их отношений.

«Кто-нибудь может открыть окно? Мне необходим свежий воздух, – думала Тейлор, чувствуя, как обида и злость захлестывают изнутри. – А я?

Пахну ли я так же, как эти два предателя?» Тейлор молниеносно достала из бежевой сумочки флакончик Miss Dior и щедро распылила его на запястья. Эм продолжала само-

забвенно болтать, Тейлор ее не слушала. Она изо всех сил старалась не пялиться на Эмбер Новак, но это было крайне трудно.

– Тейлор, а ты что думаешь? – обратилась к ней Эм. Ее круглые глаза уставились на Джонсон.

«Она похожа на сову», – пронеслось в голове у Тейлор, и отчего-то стало еще обиднее. Неужели ее, будущую королеву Деполе, променяли на это?

На глупые сплетни, смешки и ужасные нарощенные ресницы? А этот автозагар!

– Те-ейлор? – повторила Эмбер, растягивая ее имя, и, надув огромный пузырь жвачки, прихлопнула его ярко-малиновыми губами. – Правда это полнейший отстой?

Тейлор молчала. На нее напало странное оцепенение. Как вести себя в такой ситуации? Есть какие-нибудь рекомендации по общению с предателями? Джонсон таких не знала. Ведь она никогда не думала, что ей могут изменить. Такого сценария у нее в голове не было. С тех пор как ее предали лучшие подруги, она оградила свое сердце от любых опасностей, но, как выяснилось, не учла само простой. Банальной, пошлой измены.

– Земля вызывает Тейлор!

Довольный своей дурацкой шуткой, Гарри неуклюже помахал ладонью перед ее лицом. Его смех разнесся по спортивному залу. Тейлор несколько раз непонимающе моргнула.

– О чем вы говорите? – наконец спросила она и мысленно похвалила себя за твердый, уверенный тон. – Ну, эти сплетни, что Кайли встречается с Тимоти Шаламе. – Эмбер покачала головой, не понимая, как можно не думать о таких важных вещах.

– Да они самая странная парочка в шоу-бизнесе, – вклинился в разговор кто-то.

Не желая продолжать беседу, Тейлор отвернулась. Неожиданно для себя она представила, как хватает Эм за волосы и устраивает расправу на глазах у всех. Затем феминистка внутри нее заорала, что за волосы стоит оттаскать Гарри. Но тот был на голову выше Тейлор, да и волосы него были неподходящие. Она могла бы вlepить ему пощечину, наорать и заявить, что все знает.

Но, представив последствия, сделала еще один глубокий вдох. Не дождутся. Тейлор Джонсон так низко не падет. Более того, стоящий неподалеку мистер Эрлингтон тоже служил стоп-сигналом.

Ей еще предстоит просить у него рекомендательное письмо для поступления в Принстон. Она не испортит себе репутацию из-за парня-идиота и лживой подруги.

Гарри был в отличном настроении, шутил и переглядывался с Эмбер в твердой уверенности, что Тейлор ни о чем не подозревает. Джонсон не могла понять, что раздражает ее больше всего. Тот факт, что он посмел сделать из нее идиотку? Или то, что подруга оказалась последней сволочью?

Мысли разбегались. Давно ли они занимаются этим за ее спиной? Как она могла не замечать эти взгляды, улыбки и множество случайных прикосновений?

Неужели совсем ослепла?

Джонсон была уверена, что Гарри влюблен в нее.

Влюблен по самые уши, той самой редкой и чистой любовью, ради которой готов на все. А сейчас стояла и смотрела на своего уже очевидно бывшего парня и думала, что же она нашла в этом придурке.

Знала ли вообще его настоящего? Казалось, перед ней стоял незнакомец. Это был все тот же Гарри с карими, словно молочный шоколад, глазами, коротко стриженными рыжими волосами и постоянной кривой усмешкой. Но не тот, что прятал записки с признанием в любви в шкафчике, открывал дверцу автомобиля и шептал ей на ухо, какая она красивая. Нынешний Гарри другой. Он завел интрижку с другой своей девушки у нее за спиной.

Вслед за этими мыслями возник вопрос о том, насколько искренни были ее чувства. Она не могла не думать, что ей он нравился лишь потому, что был от нее без ума. Эгоистично? Возможно. Впрочем, это уже не имело значения.

Тейлор узнала о предательстве случайно. Проходила мимо кабинета математики, надеясь встретить мисс Каллахен и уточнить у нее детали завтрашнего теста. К ее удивлению, дверь кабинета была закрыта, а изнутри доносились звуки поцелуев, шепот и хихиканье. Сначала это показалось ей за-

бавным, но затем она различила голоса. Тейлор затаила дыхание, так что слышала стук собственного сердца, и сказала себе, что это все ей показалось. Затем она спряталась в коридоре за угол и стала ждать. Она должна была удостовериться.

Прозвенел звонок, и они вышли из кабинета.

Вместе. Сердце Тейлор замерло, а затем забилось с неистовой яростью. Ощущение, что ее предали, и разочарование накрыли словно волна. Она в замешательстве проводила парочку взглядом, а затем достала косметичку и поправила идеальный макияж. Слез не было. Она поймала свой растерянный взгляд из-под накрашенных ресниц в миниатюрном зеркальце и резко захлопнула его крышку. Ей не нравилось чувствовать себя уязвленной.

Нет, они с Эмбер не были лучшими подругами; между ними всегда присутствовал дух соревнования. Эмбер тоже хотела быть капитаном команды чирлидеров, но это место по заслугам досталось Тейлор. Сейчас же Тейлор чувствовала себя побежденной и ненавидела это ощущение. Она сжала кулаки и оглядела зал.

– Мне не нравится, как здесь падает свет. Можем мы поставить искусственное освещение по краям сцены?

Нужно сместить фокус своих мыслей. Хоть как-то подсластить горькую пилюлю.

– А зачем тебе освещение по краям? – глупо уточнил Гарри.

Тейлор бросила на него снисходительный взгляд, а затем

перевела этот самый взгляд на Эмбер.

– Хочу сиять, когда буду получать корону, – улыбнулась она, щедро источая обаяние, которое у всех вызывало восхищение.

Эмбер выглядела так, словно Тейлор заставила ее проглотить живого жука. От команды чирлидеров выбрали только одну кандидатку, и ею была не подлая, лживая обманщица. «Да, Эмбер Новак, именно я, Тейлор Джонсон, буду королевой этого бала!» – хотелось закричать ей. Но Тейлор привыкла утирать нос делами, а не пустыми разговорами.

– О да, мы с тобой будем идеальной королевской парой, – весело фыркнул Гарри.

От этих слов у Эм и вовсе испортилось настроение. А Тейлор еле сдерживалась, чтобы не расхохотаться в голос. «Ну-ну, – подумала она. – Я получу корону сама. Тебя я брошу через два часа». Вот только на душе было все так же мерзко и больно.

Сжав кулаки, она держала улыбку и думала о своей маленькой мести. Помогало мало. На душе все равно скребли кошки.

В толпе учеников она разглядела Кэт и подумала, что стоит напомнить ей о необходимости заменить ее фотографию. Хотя знала: Кэтрин Ли никогда ничего не забывает. Просто хотелось выпустить пар и испортить настроение кому-нибудь еще. Они когда-то дружили, и Тейлор порой видела бывшую подругу насквозь. Хотя последние пять лет они мало обща-

лись. Но то, как брови Кэт взлетели, а губы округлились в удивлении, явно свидетельствовало о том, что все вышло из-под контроля.

Точнее, кто-то. И этим кем-то был парень с нагло ухмылкой, возвышавшийся перед всезнайкой Ли.

Любопытно, в какие проблемы вляпался этот парнишка? Вся школа только и делала, что шушукалась о нем. В школьном мирке появление чужака всегда событие, воспринимаемое особенно остро.

Но никто ничего не знал, кроме того, что прибыл он сюда отрабатывать наказание.

– Внимание, прошу всех номинантов встать в круг, – провозгласил Эрлингтон в рупор, перекрывая гул голосов.

– Мне пора! – гордо воскликнула Тейлор и уверенным шагом направилась в центр.

А потом едва не споткнулась, увидев Пенни.

А она что делает на собрании номинантов? А, точно... Хоровой кружок! Пенелопа Браун стояла опустив голову, будто мечтала провалиться сквозь землю. Ее пушистая челка торчала во все стороны, а длинный кардиган горчичного цвета был настолько велик, что скрывал даже ладони. Эта девочка выглядела так, будто прибыла сюда прямиком из шестидесятых. Но Тейлор знала: облик тихони обманчив. Ведь первый урок, как перестать доверять подругам, она получила именно от нее.

Пенелопа Браун не верила в истории Золушек, и в прекрасных принцев тоже не верила. Возможно, потому, что уже встретила одного, но он, к сожалению, так и не узнал в ней свою принцессу. Между ними было только шесть лет дружбы и безответной любви. Например, сейчас Люк стоял в компании чирлидерш, которые гладили его влажные после душа волосы и улыбались ему так ярко, что свет, отражающийся от их зубов, мог бы ослепить кого угодно.

Даже то, что Пенни оказалась в числе номинанток на корону зимнего бала, не отменяло того факта, что Люк Уилсон – звезда баскетбольной команды, безжалостная машина по прозвищу Большо Волк, а она – просто Пенни из хорового кружка. И это было главным, что ее сейчас тревожило.

Даже страх перед выходом на сцену не пугал. Это она его знает как облупленного, а не они. Она его лучшая подруга. Она... Но так ли это важно, когда ты маленькая серая мышка?

– Эй, Пен, ты тоже тут?

Мэй, номинантка от баскетболисток, улыбнулась ей так, будто совсем не рада начинать диалог, но попросту вынуждена это сделать. Что уж там! Пенни сама себе сейчас была не рада. Ей нечего тут делать, какая из нее королева?

В этом году руководство решило разбавить бесконечную череду победительниц – чирлидерш и активисток, выдвинув

по одной номинантке от каждого кружка. Среди хористов Пенелопа оказалась единственной девушкой-выпускницей. Что поделать, крутые девчонки в хоре не поют. Так же бедны на претендентов оказались шахматисты, пловцы, клуб любителей Эмили Дикинсон и будущие журналисты из школьной газеты.

Таким образом, победительница была определена заранее. Тейлор Джонсон, разумеется. Такие, как Пенелопа Браун, были тут просто массовой, и она это прекрасно понимала, но легче не становилось.

– Да, Мэй, я тоже тут, – протянула она в ответ.

– Слушай, а это правда, что у Уилсона на груди набит волк?

Как же они достали с этим вопросом! Она слышала уже сотню версий, что это там за таинственная татуировка у Люка на груди. Все считали, что по праву его лучшей подруги Пенни явно должна знать, но, увы, она была первой в списке тех, ком он ни за что не показал бы этот злосчастный рисунок.

Полтора года назад Люк ночью залез в окно к Пенни и сообщил, что не явится к родителям в таком виде. Под грудью у него оказался пластырь, а в глазах – невероятный стыд. Тайна, покрытая мраком. Тайна, всегда заклеенная пластырем.

– Там написано: «Я люблю тако». Чего только не набьешь по пьяни.

– Правда?

Разочарованию Мэй не было предела. Она была высокой, красивой и явно подходила Люку больше, чем Пенни. Да абсолютно все ему больше подходило, чего уж там. «Удачи тебе, Мэй, очередная девчонка в списке Большого Волка Уилсона». Он даже не встречался официально ни с одной из них.

Пенни отвернулась, не желая видеть, как Мэй идет напрямиком в толпу чирлидерш и закидывает

руку Люку на плечо, и тут же столкнулась с внимательным взглядом Тейлор Джонсон, но та мгновенно отвела глаза. Сердце все еще екало, даже спустя шесть лет после расставания с подругами. Вот бы сейчас все было как прежде! Они бы стояли сейчас вместе. И переживали вместе.

Что бы ни произошло дальше, это должно было просто убить Пенни, и на то была масса причин.

Она не умела танцевать, краситься, и у нее абсолютно точно не было пары для зимнего бала. Она вообще собиралась пропустить это мероприятие, и теперь желание расплакаться тисками сжимало горло. Хотелось забиться в дальний угол огромно комнаты Люка с книжкой в руках и сидеть там, пока его мама подкармливает ее пирожками, потому что «Нельзя быть такой худенькой, Пенни!». На кухне у Браунов не водилось пирожков, так что из двух домов выбор всегда падал на тот, где кормят вкуснее.

Мало кто знал, что в спальне у машины-убийцы Большого Волка есть розовый пушистый плед, постеленный поверх кресла-мешка. Пенни понятия не имела, откуда у Люка взя-

лось это уютное гнездо под торшером с теплым желтым светом, но для «девочки из хора» оно всегда было свободно.

– Итак, номинанты и номинантки, – начала Кэтрин Ли. Еще одна бывшая в коротком списке подруг Пенни. – Скоро двое из вас станут королем и королевой бала, а поэтому нам придется усиленно поработать. – Она говорила быстро, будто е нужно было слишком много сказать за слишком

короткий промежуток времени. – Обратите внимание на слайд, – указала Кэтрин в сторону проектора, установленного на сцене.

Сердце у Пенни сжалось, когда в поле зрения попали одновременно и Кэт и Тейлор. Она поспешно отвернулась, и теперь ее взору предстали воркующие Мэй и Люк. «Нет мне покоя. Ну где я согрешила?»

Скорее бы это закончилось. Пенни вполне могла отказаться сразу, прийти в мешке из-под картошки, все равно никто не заметит, и передать свой голос в фонд помощи красоток имени Тейлор Джонсон.

Правда, сама Тейлор не выглядела такой уж счастливой. Странно, ведь это ее звездный час, мечта детства.

– Привет, Пенни-пони, – раздался за спиной низкий голос Люка.

Вообще-то Пенни пропустила момент, когда из мальчишки-соседа друг превратился в машину убийцу, но пару лет назад это окончательно разбило ее влюбленное сердце.

– Ты как? Хочешь сбежать? Тачка ждет, подавай знак и

выпрыгивай в окно, я подхватчу, и двинем на запад.

Она против воли захихикала и тут же поймала на себе недовольный взгляд Кэтрин. Мимо, покачивая бедрами, прошла Мэй, напоминая, что в раю не все ладно.

– У тебя не назначено свидание? – прошептала Пенни.

Ей пришлось потратить немало усилий, чтобы научиться задавать этот вопрос без дрожи в голосе.

– С чего ты взяла?

– Мэй, баскетболистка, пыталась меня по поводу твоей татуировки...

– И что ты ей сказала?

Пенни не видела Люка, но знала, что он перекатывается с носков на пятки, а на его губах улыбка.

Как всегда. Он улыбался ей постоянно, потому что обращался с ней как с маленькой милой сестренкой, а не с девушкой. С девушками он был похож на хищного котяру. Ну или, так и быть, волка, но однозначно не на то, что получала Пенни.

– Что там написано: «Я люблю тако».

– Как жаль, что ты никогда не узнаешь правду.

Он рассмеялся и наклонился ближе, чтобы говорить не слишком громко. Теплое дыхание коснулось шеи и тонкой кожи за ухом, Пенни съежилась и отшатнулась, а Люк, откашлявшись, отстранился.

– ...Вам нужно выбрать партнеров и подготовиться к тому, что репетировать будем минимум трижды в неделю.

– Что? Что репетировать? – воскликнула Пенни, не понимая, что происходит. Она прослушала всю речь Кэт, болтая с Люком, и теперь ее сердце колотилось от паники. Танцы? Партнеры?

– Если бы ты не болтала, *Пенелопа*, то услышала бы, что номинанты вместе с партнерами будут танцевать вальс.

– Н-но если у меня нет партнера?..

По толпе пронеслись смешки. Пенелопа огляделась по сторонам и опустила голову, чувствуя, что отчаянно краснеет. Разумеется, всем смешно, что у нее нет партнера, потому что все знают: Пенни Браун никогда ни с кем не встречалась. Золушка без принца.

– Ну что ж, тебе придется постараться его найти, потому что до бала всего ничего, – холодно ответила Кэтрин, смеясь Пенни взглядом, в котором читалось что-то вроде: «Еще твоих проблем мне не хватало».

– Задача и правда трудная, – хихикнула одна из чирлидерш, кажется Эмбер.

– Ой-ой, бал под угрозой! – прошептал кто-то совсем рядом.

– А может, мы обойдемся без нытья и продолжим собрание? Я тороплюсь!

Это была Тейлор. У Пенни все поплыло перед глазами от подступающих слез.

– Я буду твоим партнером, *Пенелопа*.

В комнате повисла тишина, сравнимая, пожалуй, с той,

что воцаряется после слов учителя: «Устно ответит...» Все присутствующие, включая саму Пенни, застыли не дыша, а Люк только весело хохотнул:

– Это будет легендарно. Эй, детка, Пенни, да я прекрасно умею танцевать вальс.

– А ты полон сюрпризов, дружище, – засмеялся один из баскетболистов, хлопнув Люка по плечу.

Ожившая толпа начала посмеиваться над Люком, который вызвался поддержать Пенни-из-хора, а она в это время медленно повернулась к друг и уставилась на него, не в силах сказать ни слова.

– Люк? Мы можем... поговорить? – прошептала она чуть слышно.

Люк слегка наклонился к ней, как обычно, но скорее прочитал по губам, чем услышал слова.

Уилсон был выше Пенни на добрых пятнадцать дюймов, и привычка наклоняться к ней во время разговора уже укоренилась в нем достаточно, чтобы делать это автоматически и в любом состоянии.

– Встреча окончена, – устало возвестила Кэтрин, поняв, что окончательно потеряла внимание присутствующих. – Подробности по электронной почте. Следующее собрание и заодно репетиция в среду.

– Пошли, по дороге поговорим, – велел Люк командным голосом капитана баскетболистов.

Пенелопа кивнула, не веря, что происходящее не сон, и

поплелась следом за Люком, один шаг которого был равен ее двум. На них, как обычно, оборачивались в коридорах. За шесть лет их дружбы школа Деполе так и не привыкла к тому, что Большой Волк Уилсон дружит с Пенни-из-хора. А уж когда за лето он вырос на десять дюймов и раздался в плечах, их общение стали воспринимать как новости о встречах с инопланетянами. Народ до сих пор считал, что это все ерунда и им только кажется, будто эти двое вечно бродят вместе, где-то рядом.

Пенни просто не замечали, она приравнивалась к пустому месту при звезде Деполе. Ее даже жалели немного, считая сумасшедшей фанаткой и не замечая очевидного. Что каждый день Большой Волк

Уилсон привозил Пенни в школу. Что забирал из школы. Возил ее к стоматологу. И за новыми книгами. И таскал ее контрабас, когда в девятом классе у Пенни появилась блажь научиться на нем играть.

И кажется, будет танцевать с ней вальс?

– Объясни. Ты что, умеешь танцевать вальс?

Люк Уилсон, нет, я не верю! Мы дружим с двенадцати лет...

– Брось! – Он закинул вещи Пенни на заднее сиденье своей новенькой машины, в которой никто, кроме них двоих, еще не сидел, и открыл для нее пассажирскую дверь. – Садись уже, Пенни-пони, иначе встанем в адскую пробку на выезде. Или ты хочешь провести наедине со мной лишние со-

рок минут?

– Просто... м-мечт-таю. – Она, как обычно, начала заикаться.

Люк сел за руль и выехал со двора.

– А эти твои собрания будущих королей всегда будут так поздно?

– Вообще-то ты тоже будущая короле... то есть король. И ты не обязан меня ждать, Люк.

От страха Пенни трясло. Она не могла поверить, что будет танцевать вальс в дурацком платье, да еще и в паре с главной звездой баскетбольной команды.

Благодаря Люку на нее и так все время словно был направлен луч прожектора, и какой-то мерзкий осветитель не желал его убирать.

– Ну как же, вдруг кто-то украдет мою Понни? – Именно с ударением на двойную н, потом

что это прозвище было сокращенной версией дурацкого детского «Пенни-пони».

– Я отращу волосы и избавлюсь от челки, чтобы ты прекратил меня так называть!

– Только попробуй, и я залезу ночью в твоё окно и выстригу её сам вот этими кривыми руками.

– Кажется, эти кривые руки забили кучу мяче в прошлом сезоне, и ты хвастался моему отцу минимум месяц...

– Брось!

– Расскажи про вальс. Ты. Умеешь. Вальсировать?

– Мама научила, – отмахнулся Люк.

Пенни уставилась на него, давая понять, что не верит ни единому его слову. Сара Уилсон, мама Люка, была чудесной женщиной, но она точно не умела танцевать вальс. Или Пенни так только казалось? Сара была самым неуклюжим человеком на свете. Она вечно спотыкалась, опрокидывала что-то и презирала спорт, несмотря на то что полжизни проработала в больнице. Если бы она умела танцевать вальс, Пенни бы это точно знала. Она провела с ней больше времени, чем с родной матерью.

– Люк... ты не обязан. Тебе же придется пойти на бал... со мной.

– Это приглашение, малышка-пони?

– Люк!

– Что?

– Лю-ук!

Стон Пенни заставил его рассмеяться и взъерошить светлые выгоревшие кудри. Пенни, как обычно, засмотрелась на этот живописный беспорядок у него на голове, потом на линию носа с горбинкой, которая делала его только лучше, на руки, уверенно держащие руль. И она, Пенни-из-хора, окажется в этих руках? Минимум трижды в неделю?

В глазах закипели слезы отчаяния. Это будет настоящая мука, потому что после каждого их близкого контакта она начинала задыхаться. Ее огромное влюбленное сердце просто не помещалось в грудной клетке и напрочь перекрывало

доступ кислорода. Ей начинали сниться сны. Что это были за сны, кто бы знал! Не заявляйся Люк в ее комнату пару раз в неделю, она бы непременно заклеила стены постерами с его фотографиями, но, к большому сожалению, трудно любить кого-то, кто живет в соседнем доме и не видит ничего зазорного в том, чтобы прийти к ней посреди ночи и улечься спать рядом, потому что – цитата – «мама сказала, что, если приду после двух ночи, не пустит на порог».

И разумеется, Люк никогда не лез в свое окно – он лез в окно Пенни. А она страдала, купаясь в его запахе и тепле. Большой Волк Уилсон утверждал, что привык обнимать во сне плюшевого мишку, а Пенни такая милая и мягкая, что вполне за него сойдет. Утром он исчезал, как волшебный сон.

И Пенни ненавидела себя за то, что ловила его силуэт в окне напротив.

– Люк, я не могу просить тебя о таком. Ты явно должен идти с какой-нибудь королевой бала, а не с...

– Я и иду с королевой бала.

– Стой. Танец... это просто вальс, не приглашение...

– Нет, Пенни. – Он вдруг стал очень-очень серьезным. – Я приглашаю тебя...

– Замолчи!

– ...на...

– Замолчи, черт бы тебя побрал!

– ...бал!

- Люк!
- Пенелопа Пони Браун!
- У меня не такое второе имя!
- Ты пойдешь...
- Ни за что!
- ...на бал...
- Ты рехнулся!
- ...со мной?

– Ты. Должен. Позвать. Какую-нибудь девчонку, с которой потом повесишь фото с бала на стену общего дома, а не со мной. Подруга Пенни-из-хора – это конец твоей репутации. Ты должен позвать того, кто тебе нравится. Как девушка.

- А если я не могу?

Он припарковался на дорожке как раз между домами Браунов и Уилсонов. Она образовалась тут за последние годы, когда у Люка появилась машина и он назвал это место нейтральной зоной.

- Не можешь? Она занята?
- Ну допустим.
- Все так безнадежно?
- Абсолютно.

Он был так серьезен, что у Пенни от страха заколотилось сердце. Люк никогда не бывал серьезен.

- Люк, чтоб тебя, Уилсон!
- У меня не такое второе имя.
- Ты что... влюбился и ничего мне не сказал?

Он долго смотрел Пенни в глаза, прежде чем ответить, и она с каждой секундой теряла веру в себя.

Ну конечно! Он просто заставит при помощи подружки из хора ревновать какую-то крутую девчонку. Может, это Тейлор? Она ему, кажется, когда-то нравилась. Или эта милая девочка из команды чирлидеров? Сью Смит, кажется.

– Да.

Это коротенькое слово окончательно добило Пенни, и она вылетела из машины, чтобы не разрыдаться в присутствии лучшего друга, который шесть лет только и делал, что обзывал ее «пони», трепал по волосам и делал вид, что она его любимая плюшевая игрушка. Когда мальчики вырастают, об игрушках следует забыть.

* * *

Когда зал наконец опустел, Кэтрин подхватила ключи, щелкнула выключателем, обернулась и вдруг застыла, заметив в углу зала темный мужской силуэт.

– Напугал? – послышался насмешливый голос.

– Нет, просто к твоему присутствию надо привыкнуть.

Ее речь, как и всегда, звучала ровно, четко, связно, хотя внутри черепной коробки архивы горели, а тараканы метались из угла в угол, вопя, что задницей чувствуют: миссия будет провалена. И все благодаря стоящему напротив парню.

– Давай сначала. – Неожиданно для нее он сделал шаг и

протянул руку. – Хитклифф Риверо.

Приятно познакомиться.

– Я знаю, – так и не ответила на рукопожатие Кэтрин, сжав ежедневник. Находиться рядом с ним, практически преступником, было как минимум тревожно, особенно учитывая, что окружали их тишина и темнота. И жуткая неловкость. – Двадцать один год. Ты не учишься в школе. В колледже, судя по всему, тоже, раз ты здесь. Это было в досье.

– Что-то еще?

Взгляд зацепился за причудливые браслеты у него на запястьях. Стало интересно, что именно на них изображено, вот только рассмотреть не удалось.

– Ты мексиканец?

Она не знала, почему вдруг спросила. Наверное, потому, что буквально вчера прочитала, что по стране доля преступлений, совершенных афроамериканцами и испаноязычными, в несколько раз выше, чем совершенных белыми.

– Колумбиец. А это имеет значение?

«Черт! Наверняка прозвучало как обвинение», – обругала себя Кэтрин.

– Нет, – попыталась оправдаться она. – Просто решила уточнить. Предпочитаю знать о людях все.

– Зачем? – прищурился парень. – Выпить со мной на бру-дершафт и не забыть поздравить с Днем независимости Картахены?

– Что? Нет.

Хорошо, что в темноте было не видно, как ее щеки покраснели.

Он сделал пару шагов, будто обходя ее по кругу, а поравнявшись с ней, наклонился и прошептал:

– Одиннадцатое ноября. Просто чтобы ты знала. Запиши, – и толкнул локтем ежедневник, который она до сих пор сжимала в руках. – А то забудешь.

Зачем она кивнула? Господи, ну что за идиотка!

Сдался ей этот день Картахены. Взяв себя в руки, она произнесла:

– Итак, сто шестьдесят часов. Если один месяц тюрьмы приравнивается к сорока часам общественных работ, то что же ты натворил?

– Ого, – рассмеялся парень. – Прямо так сразу, без прелюдий?

– А чего тянуть?

– Ладно, – выдохнул он и провел пальцами по густым волосам, отбрасывая их со лба. – Но ты сама захотела знать. У Вита, старшего брата моего отца, маленький, но приносящий хорошую прибыль наркокартель, пока отлаженный только на западном побережье, но мы работаем над его расширением. И две фабрики на севере Колумбии, поставляющие через границу примерно по сотне кило кокаина в месяц. Обычно мы используем для дропа подростков-нелегалов, но Дин, этот чертов ублюдок, сломал ногу, пришлось мне его заменить, и вот, как видишь, взяли.

Если бы Кэтрин нагнулась чуть ниже, то ее челюсть точно бы ударилась об пол. Это что, теперь у нее под надзором подрастающий Пабло Эскобар?

А если в Лиге плюща узнают? Не дай бог его имя засветится где-то в ее школьных бумагах – и будущему конец! «Дерьмо! – закрыла она глаза. – Какое же дерьмо!» А Хитклифф все продолжал рассказывать:

– В тот раз еще и траву пригнали, но раскуривалась она в край плохо. Пришлось полпартии сжечь. – Он вдруг рассмеялся, как будто не смог сдержать рвущийся наружу хохот. – Слышала бы ты, какой гвалт стоял потом над тремя улицами вниз по Миссисипи-роуд. Долгая история, – махнул он рукой. – Так что сезон не удался. Денег

хватило только вытащить из тюрьмы да срок скостить. А остаток, как понимаешь, пришлось отработать.

Что? «Запах горячей травы на три улицы вниз по Миссисипи-роуд?»

О господи! Кэтрин привалилась плечом к стене, словно пытаясь хоть у нее найти поддержку. Сколько «Миссисипи раз, Миссисипи два, Миссисипи три» нужно отсчитать, чтобы отмотать назад случившееся и никогда об этом не слышать?

– Черт, да ты несостоявшийся беглый преступник? – выдохнула она, чувствуя, как брови возмущенно поползли вверх. – О чем они вообще думали, отправляя тебя сюда?

– Даже не знаю, какое из слов больше задевает мою гор-

дость: «несостоявшийся», «беглый» или «преступник».

– Ведро, тряпка, швабра! – воскликнула Кэт, выставяя руку вперед, словно защищаясь. – Вот единственные три слова, с которыми тебе придется иметь дело следующие пару дней. Потом будешь декорации красить! – собрав разбегающиеся врассыпную с криком «А-а-а-а!» нервы в кучу, произнесла она. – Работать только под моим присмотром!

Только в те часы, когда все будут здесь!

– Слушай, так не пойдет, – сделал он шаг вперед, и девушка против воли попятилась. – Я так эту сраную сотню часов год буду отрабатывать.

Скажи, что сделать, и просто дай сюда эти чертовы ключи.

– Нет уж! – Она инстинктивно спрятала связку в карман. Еще не хватало, чтобы он со своими друзьями ночью сюда заявился и что-нибудь украл. Боже, тогда ее учеба плакала окончательно. – Инспектор сказал, что здесь я устанавливаю правила! А если не устраивает – вперед, иди жалуйся копам.

Хитклифф прищурился, явно не подразумевая под этим ничего хорошего.

– Запиши свой номер, и я скину тебе расписание, как остальным, – протянула Кэтрин ежедневник и ручку. – К началу не опаздывать. Без уважительных причин не пропускать. Если нужно отпроситься...

– Давай уже сюда. – Он выхватил ежедневник из ее рук, открыл на пустой странице, достал из-под резинки ручку и, постучав по имени на обложке, произнес: – Веришь ли ты в

карму, Кэтрин Ли?

Его темные глаза сверкнули в темноте.

– Пиши мейл. Такой ответ считается?

– Нет.

И вместо того чтобы вернуть, он захлопнул книжку и, махнув на прощание: «Адиос!» – легким шагом направился к двери.

– Эй, ежедневник отдай!

Кэтрин рванулась в его сторону, но парень ловко увернулся, подняв книжку над головой, нарочно чуть подбрасывая в воздух и ловя одной рукой.

– Думаешь, как семиклассница за тобой гоняться стану? – произнесла она, испепеляя его

взглядом, и сделала шаг вперед. Хитклифф симметрично отступил назад.

– Посмотрим.

– Не дожدهшься.

Снова шаг и снова отступление.

– Тогда почему ты все ближе, Китти-Кэт?

Все-таки хочешь нормально познакомиться?

Если и было что-то, чего Кэт не любила больше, чем пу-
стоголовость учеников, вечно достающих глупостями, так
это когда ее называли подобными прозвищами.

– Хитклифф, ты последний человек, с которым мне ко-
гда-либо захочется познакомиться. Просто отдай книжку.

– Хорошо, давай попробуем так. Я реквизирую ее на вре-

мя. Отдам завтра.

– Не годится, – требовательно протянула она руку. – Не заставляй отнимать силой.

Она взмахнула рукой, но парень оказался быстрее, отвел руку с ежедневником за голову и рассмеялся.

– О, ради этого я готов остаться. Это даже забавно.

Кэтрин отметила, что расстояние между ними все-таки сокращалось. Бросившись вперед, она попыталась выдернуть ежедневник из чужих рук, но вместо этого оказалась в их кольце быстрее, чем смогла хоть слово сказать. Этот придурок обхватил ее, прижал к себе и ухмыльнулся. Кэтрин вскрикнула, попытавшись вывернуться, но парень лишь сильнее сжал объятия.

– Отпусти!

Кэтрин замерла. Прикосновения мужских рук были непривычны. И хотя ничего особенного в них не было, от его тела исходил такой жар, что все вокруг полыхало огнем. А может, Кэтрин просто казалось, потому что искорки, пляшущие в его глазах, перебрались и ей на кожу? Она лихорадочно пыталась разобраться в своих чувствах, но не выходило, потому что парень был слишком близко.

Глядел слишком настойчиво, нагло и вызывающе.

– Надо же, первый день тут – и почти свидание? – Он даже присвистнул.

– Какое свидание, быстро отпусти!

– Разве? – Он огляделся по сторонам, словно осматрива-

ясь. – На улице ночь. В школе никого.

Вокруг полумрак, а мы так близко, – прошептал он наигранно хриплым голосом. – Свечей и вина разве что не хватает.

– Каких свечей? – Ее распирало от возмущения, потому что все знали: стоит прикоснуться к Кэтрин Ли – и можно лишиться конечности.

А этот просто творил что хотел. – Никаких свечей! Никаких свиданий! Есть ты, и есть я. А между нами – ненависть, раздражение и сто шестьдесят часов исправительных работ, ясно?

– Если это единственный способ вытрясти из тебя хоть какие-то эмоции, Китти-Кэт, – рассмеялся Хитклифф, – я готов повариться в этом безумном котле.

– Ты ненормальный!

– Слушай, я же предлагал по-хорошему. Ты сама выбрала нападение.

Разозлившись на саму себя за то, что как идиотка повелась на его провокации, Кэтрин толкнула его в грудь, подальше от себя. Почувствовав, что ее отпустили, схватила за сумку, стараясь не смотреть в его сторону.

– Что ж, тогда до завтра, – самодовольно произнес Хитклифф.

Затем раздались шаги, и все, что успела рассмотреть Кэтрин, когда обернулась, – его удаляющуюся по пустому коридору спину. «Будь ты трижды неладен, – подумала она. –

Хорошо хоть ежедневник запасной. Никаких компроматов и секретов там нет. Но нужно определенно что-то придумать».

«Ладно. Разберусь завтра», – решила девушка.

В конце концов, что может случиться за день? Тогда она еще не знала, что даже несколько часов могут решить очень многое.

Глава, которая доказывает, как много может изменить одно сообщение

РАССТАВАНИЕ С ГАРРИ ПРОШЛО триумфально.

– У меня больше нет к тебе чувств, – высокомерно произнесла Тейлор. – Мне нужны другие отношения, в которых я буду расти как личность...

Без обид, – едко добавила она, и последние два слова прозвучали так унижительно, что она готова была захлопать в ладоши от восторга.

Тейлор безумно гордилась своим самообладанием. Ведь все, о чем она мечтала в тот момент, – выцарапать изменнику глаза. Но у нее был свежий маникюр, и ломать ногти о Гарри совсем не хотелось.

Пришлось изо всех сил строить из себя Снежную королеву. Выражение лица Гарри стоило всех усилий. Он сначала побледнел, затем позеленел, потом покраснел. Вена на шее набухла и запульсировала, а руки сжались в кулаки.

– То есть как новые отношения? – прошипел он. – Ты бросаешь меня перед балом?

Конечно, бал волновал его куда больше, чем она.

Тейлор мысленно отвесила себе оплеуху. Как она могла

быть такой дурочкой и не замечать очевидного!

– Что, боишься проиграть? – Джонсон наивно похлопала ресницами. – Хотя ты прав, на победу шансов мало... – «Без меня», – вертелось у нее на кончике языка, и по тому, как гневно вспыхнули карие глаза ее бывшего парня, она поняла, что Гарри уловил недосказанное.

– Ах ты стерва! – вскипел он.

Гарри выглядел сейчас капризным ребенком, так что Тейлор вообще не могла понять, как она встречалась с ним три месяца и все это время находила его очаровательным. Да, именно так она и думала об этом большом избалованном ребенке, который сейчас чуть ли не топал ножками в гневе.

– Если ты думаешь, что не найдутся желающие занять твое место, то с твоими мыслительными процессами явно не все в порядке.

Джонсон была умной девчонкой и ни капельки не сомневалась, что один Гарри точно никуда не пойдет. Он уже нашел ей замену. Вот только она никогда в этом не признается. Тейлор Джонсон бросает его первая! Лучший выход из этой дрянной ситуации.

– Как же чудесно получается, – ласково улыбнулась она. – Ведь я тоже приду на бал с новым парнем.

Слово «новый» она потянула, продолжая улыбаться своей лучшей улыбкой, глядя, как Гарри застыл на месте и его губы смешно вытянулись в форме буквы о.

– Так вот она, истинная причина! Ах ты шлюха!

Тейлор расхохоталась. И правда, люди всегда судят по себе.

— А я думала, ты без ума от меня! — иронично бросила она и, сделав резкий поворот на пятках, направилась прочь от ошибки своей юности.

Им больше не о чем говорить. Такие ошибки случаются у всех, говорила мама, показав дочери фотографию рыжего лопоухого парня и сообщив, что тот бросил ее в пятнадцать лет, потому что она была для него недостаточно хороша (с его слов).

Тейлор тогда подумала, что женщинам необходимо воспитывать в себе мужскую уверенность. Потом что, если бы у нее были такие уши, она, наверное, забилась бы под кровать и боялась выйти в свет.

А тот парнишка поставил на место Джулию Роненс! Самую красивую женщину по версии всего земного шара. Тейлор весело фыркнула и решила, что позвонит матери завтра в пять утра. В Калифорнии будет обед, мама обязательно выделит из своего плотного графика минуту на дочь, и они поговорят об ошибке ее юности.

Тейлор уже представила, как мама включит громкую связь, а папа обязательно отвлечется от продюсерской деятельности, которая включает в себя успокоение всех вокруг: актеров, сценаристов, костюмеров и светорежиссеров. Ее отец, Роберт Джонсон, был тем самым волшебником, который заставлял абсолютно разных людей с отвратительны-

ми характерами работать над одним проектом.

Он бы точно нашел, чем подсластить ее пилюлю.

Тейлор привыкла, что родители часто в разъездах.

Фильмы, съемки, красные дорожки. Она была рада, что они достигают своих целей и живут полноценной жизнью, ведь всегда знала, что в случае чего папа и мама готовы бросить все ради нее. Возможно, именно поэтому она и не хотела становиться причиной их жертв и с детства была очень самостоятельной.

У нее была гувернантка Дженет, которая приходила утром, готовила, стирала, убирала, а вечером возвращалась к своей большой мексиканской семье. Из колледжа приезжал старший брат Райан. Брат ей был дорог, и они ладили довольно неплохо, когда все происходило по правилам Тейлор.

Откровенно говоря, она была избалованной младшей сестрой и пользовалась этим положением. Вот только приезд Райана часто омрачался. Ведь вместе с ним в ее дом чаще всего влетал неожиданный гость Дэниел Лоренс!

Еще после просмотра «Титаника» Тейлор поняла, что существует единственный типаж мужчин, способный лишить дам здравого рассудка (иначе как объяснить прыжок Роуз из шлюпки?). И этот типаж, несомненно, художники. У бедной Роуз не осталось никаких шансов, когда Джек включил

шарм обаятельного творца. И стоит признать, молодой Леонардо Ди Каприо, как никто другой, был создан для этой роли. Тейлор покачала головой, пытаясь отмахнуться от вос-

поминаний о том, как пускала сопли в самом конце фильма, а после полночи редела в подушку.

Так вот, Дэниел Лоренс был не просто копией Ди Каприо – он был выше, шире в плечах и с кристально голубыми глазами. Объективно, хотя Тейлор и сложно было это признать, Дэн был круче Лео. А еще он был художником. Настоящим художником, который смотрел на мир загадочным взглядом, будто пытался понять суть мироздания.

Тем самым художником, чей взгляд слишком часто оставался на Тейлор, и ей это абсолютно не нравилось. Ведь Дэниел был также *тем самым художником*, у которого контакты в телефоне напоминали нескончаемый список женских имен от А до Я. Скольких голых девушек им было нарисовано, Тейлор даже боялась себе представить.

Дэниелу было двадцать три года, и он учился в магистратуре Нью-Йоркского университета на факультете истории искусств. Он был лучшим другом Райана со школьной скамьи. Мать Лоренса забеременела, будучи еще подростком, и, как часто бывает в маленьких городках, стала основной мишенью для сплетен. Оставив ребенка у своей матери, она уехала в неизвестном направлении. Тейлор никогда ее не видела, а Джулия презирала за тако поступок. Парня воспитывала бабушка Валентина,

которая жила через два дома от Джонсонов. К сожалению, три года назад у нее обнаружили рак...

и вот уже четыре месяца, как Валентины не стало. Тейлор

впервые присутствовала на похоронах и очень надеялась, что больше такого опыта в ее жизни не будет.

Мама Тейлор всегда была против дружбы Райана с Дэном. Ей хотелось, чтобы сын дружил с сыном мэра или хотя бы шерифа, а он в лучшие друзья выбрал мальчика из неблагополучной семьи. Хотя Валентина смогла оплатить обучение внука в университете и у нее был большой дом, из слухов Тейлор поняла, что Дэн не может там жить, так как на него наложили запрет: наследники начали судебную тяжбу, чтобы поделить его. Валентина оставила дом Викторианской эпохи внуку, что не понравилось ни ее дочери, ни сыну. Лоренс частенько гостил в доме Джонсонов на каникулах, уик-эндах, и Тейлор испытывала по этому поводу довольно смешанные чувства. Ей нравилось смотреть, как он рисует, но в то же время она ненавидела его вечные подколы. Хотя ничего не могла с этим сделать.

Дэн был частым гостем. Лучшим другом ее брата.

Райан гордился им, ведь Дэн начал продавать свои картины за крупные суммы, проходили выставки его работ. А Тейлор, в свою очередь, всегда хотела спросить: если у него есть деньги, почему он вечно на каникулах торчит у них в доме?

Она вышла на школьную парковку и с досадой глянула на свою машину. Розовая «ауди А» была

вся в снегу. Этот год выдался особенно щедрым на осадки, и уже к середине ноября улицы напоминали рождественские открытки, только гирлянд не хватало. Снег сразу же таял,

превращаясь в кашу, но к первому дню зимы автомобилисты по всему городу уже проклинали липкий снег, который превращал их машины в маленькие сугробы. Никогда еще Деполе не видел столько снега, будто случилось чудо и небеса сжалились, подарив этому местечку новогоднюю сказку. Тейлор не верила в сказки, зато верила в щетку в своих руках, которой предстояло убрать это безобразие с машины.

– Опять лобовое чистить, – устало пробормотала она себе под нос и принялась за работу.

Она думала о касадильяс, которые Дженет обещала сегодня приготовить к ужину. С мыслями о гуакамоле и тортилье с сыром доехала до дома.

Но и там ее ждал сюрприз – внедорожник Райана. «Только не это!» – хотелось закричать ей. Она планировала набрать в тарелку как можно больше жирной мексиканской еды, сесть перед телевизором и провести этот вечер в абсолютном одиночестве. Да, завтра в зале придется пахать в усиленном режиме, чтобы позволить себе тортильи с чоризо, но она была к этому готова.

Стоило выйти из машины, как она тут же его увидела. Дэниел Лоренс радостно махал ей с порога ее же дома. Каков наглец! Сколько раз она просила их предупредить о приезде заранее! Тейлор

плотнее укуталась в пальто и даже не стала в ответ поднимать руку в вежливом жесте. Да пусть катится к черту! Дэниел широко улыбнулся и продолжал, дразня, размахивать сво-

ей внушительной рукой.

Приближаясь к белому деревянному крыльцу с инкрустированными перилами, Тейлор решила, что лучше запереться у себя в комнате, пока этот раздражающий прохвост не ходится в ее доме.

– Привет, зануда! Что, день был плохим? – Этими словами встретил ее Лоренс, полный обаяния и нахальства. – Чего такая кислая?

– Вот тебя увидела, и он стал еще хуже, – не осталась в долгу Тейлор.

Она выросла со старшим братом и уж точно знала правила этой игры.

– Ты как раз вовремя, Дженет уже накрывает на стол, – довольно сообщил Дэниел. – Ничто не поднимает настроение так, как ее тортильи.

Тейлор приподняла голову и встретила с ним взглядом. Мысли о мексиканской еде больше не грели. Ее накрыло волнение, которое Джонсон мечтала сбросить с себя, как колючий свитер. Лоренс был на голову выше нее, но был сложен иначе, чем ее брат, увлекающийся американским футболом. Более жилистый и подтянутый. И к своему стыду, Тейлор подумала, что он как раз в ее вкусе.

Она никогда не любила сильно накачанных парней. *Приди в себя...*

– Что именно занесло вас в наши края, мистер Лоренс?

Она прошла мимо него с гордо поднятой головой и при-

нялась снимать тяжелую верхнюю одежду.

– У нас уже каникулы, экзамены позади! – бодро отозвался Дэн. – Решили, что проведем пар недель у вас, а после Нового года сбежим на Гавайи.

«Почему вы сразу не поехали на Гавайи?» – в сердцах возмущалась про себя Тейлор. Две недели жить под одной крышей с Дэниелом Лоренсом!

Ей даже показалось, что эта новость гораздо хуже, чем измена парня.

– Хорошо, что дом большой! Надеюсь, не будем видаться слишком часто, – произнесла она и широко улыбнулась.

– Ты, как всегда, само гостеприимство.

В общении с Лоренсом ей нравилось лишь то, что с ним не нужно притворяться. Дэниел прекрасно знал, что за обликом ангелочка с белокурыми волосами скрывается она. Просто Тейлор! Со всеми взлетами и падениями девичьего настроения.

– А где мой братец? – встрепелась она, поняв, что перешагнула порог дома в относительно безопасности, ведь на нее не налетел медведь ростом шесть футов и два дюйма и весом девяносто восемь килограммов.

– О! – Дэн ухмыльнулся и взъерошил светлые волосы.

Они так блестели в свете хрустальной люстры, что Тейлор забеспокоилась, не спер ли этот

негодник ее маску для волос. Это было очень даже в духе Дэниела Лоренса.

– Твой брат сегодня ночует не здесь, – многозначительно произнес Дэн.

– Фу, только без подробностей!

Тейлор с отвращением сморщила носик и мельком бросила взгляд на Дэна. Ему шел темно-сини цвет. Красиво оттенял белую кожу и подчеркивал голубизну глаз. Да еще и футболка была в обтяжку... «НЕТ-НЕТ!» – вновь заорал внутренний голос. Здравый смысл вызывает к Тейлор Джонсон.

– В общем, сегодня у нас романтический ужин при свечах! – Широкая улыбка озарила лицо Лоренса. – Только не вздумай падать в обморок от счастья, я знаю, ты очень долго ждала этого момента, но...

– Захлопни рот или вали из моего дома, – грубо перебила его Тейлор.

– Какая строгая, – пожурил ее Дэниел, а затем выражение его лица стало серьезным и с него мгновенно стерлась вся мальчишеская глупость.

В такие моменты Тейлор находила его еще более красивым. – Если хочешь, я действительно уйду.

Уголок его губ приподнялся, а голубые искрящиеся глаза ловили ее взгляд. В них так и читалось: «Я знаю, ты этого не хочешь!» И Тейлор была готова выставить его за дверь. Молниеносно и без лишних раздумий. Но вклинилась сама судьба, не иначе. Ее телефон пискнул, оповещая о сообщении.

Мейл от Кэтрин Ли: «Внеочередная репетиция сегодня в

полночь. Открытый каток Центрального парка. С собой коньяк и коньки. Быть всем, иначе вам крышка! К.». Далее следовало второе сообщение: «Ладно, про коньяк шучу, я же президент школы и все такое».

Но Тейлор даже не успела возмутиться, как на экране высветилось новое сообщение, уже от Эм, и от прочитанного у Джонсон разве что пар из ноздрей не пошел:

«Тейлор, надеюсь, ты не будешь против, но Гарри позвал меня на бал, и я согласилась. Я знаю, что вы расстались, но он сказал, что у тебя есть кто-то другой *хитрый смайлик*. Думаю, неловкости не будет. Увидимся на репетиции! Все только и мечтают познакомиться с твоим новым парнем!»

Впервые за очень много лет Тейлор Джонсон была готова провалиться сквозь землю! Ей казалось, что Эмбер Новак, ее заклятая врагиня, знает истинную причину расставания с Гарри. И Тейлор во что бы то ни стало намеревалась доказать е обратное. Она променяла этого неудачника Гарри на более привлекательный и крутой вариант. Именно ОНА БРОСИЛА ЕГО! Это не Эм победительница, которая увела у нее парня. НЕТ, НЕТ и еще раз НЕТ! Тейлор почувствовала, что краснеет. Жар злости и негодования закипал под фарфоровой кожей.

– Детка, не стоит так нервничать, – по-своему трактуя ее реакцию, обольстительно улыбаясь, произнес придурак Лоренс.

Тейлор смотрела на него долгие три секунды, после чего

сказала то, что никогда в жизни не произнесла бы в здравом уме:

– Стань моим парнем, Лоренс.

* * *

«Внеочередная репетиция сегодня в полночь.

Открытый каток Центрального парка. С собой коньяк и коньки. Быть всем, иначе вам крышка! К.».

Пенни немигающим взглядом смотрела на экран смартфона и ничего не понимала. Разумеется, она никуда не пойдёт, об этом и речи быть не может. Во-первых... коньяк? А во-вторых, никто не выпустит ее из дома в полночь. Родители Пенни не были чрезмерно консервативными, но справедливо считали, что осторожность никогда не бывает лишней. На работе они постоянно становились свидетелями самых разных ужасов, и это не могло не сделать их хоть и слегка, но мнительными. Гулять после десяти вечера можно было только с Люком, и то если раз в двадцать минут писать, что все живы-здоровы. Район Грин-Плейс, где стояли дома Браунов и Уилсонов, помимо милого названия славился безупречно репутацией в Деполе, но это не убедило бы родителей, что прогулка до Центрального парка – хорошая идея.

Центральный парк – место с наступлением ночи жутковатое. Да, по вечерам там зажигались

гирлянды, приезжали вагончики с кофе и глинтвейном,

играла рождественская музыка, но после одиннадцати это место просто-напросто вымирало. Ворота закрывали, свет выключали, и там становилось пустынно.

Парк располагался в старой части города за большим новым торговым центром, который строили вот уже три года и все никак не могли закончить. На стройке тусовалось множество неблагополучных подростков, и ночью в парке добропорядочным горожанам делать было нечего.

– Я вообще не хочу быть номинанткой, почему я должна подчиняться правилам Кэтрин Ли? – спросила Пенни у плюшевого волка, которого подарил Люк, уезжая в спортивный лагерь, чтобы она не сильно скучала, и бросила сотовый на кровать.

За спиной раздался знакомый шум, сердце Пенни обожгло приливом раскаленной крови, и тут же скрутило живот – привычная реакция на приближение Люка Уилсона. Примерно с четырнадцати до шестнадцати Пенни всерьез подумывала обратиться к кардиологу, но теперь окончательно свыклась с мыслью, что это с ней навсегда.

– Привет, Пенни-пони, ума не приложу, что на тебя нашло. Ты вылетела из машины быстрее, чем Ральф сбегает от когтереза. Что с тобой? Заболела?

– Нет, было много домашки.

– Ты готова идти?

– Куда?.. – Она понимала, что речь про каток, но Люк же в своем уме и не станет такое предлагать!

В комнату влетел поток холодного воздуха и снега. Пенни поежилась и переступила с ноги на ногу.

Сейчас лучше бы натянуть шерстяные носки и забраться под одеяло, а не думать про Центральный парк.

– На каток. Коньки, коньяк! – Люк поднял сумку, демонстрируя и то и другое. – Я знаю, что своих у тебя нет, так что стащил у мамы. У вас один размер. Она ими даже не пользовалась ни разу.

– Люк, я не пойду на каток! И ты тоже! Нельзя ночью шляться по Центральному парку! Это чужь!

Думаю, что у Кэтрин просто чат взломали и никто в здравом уме туда не поедет.

– А я думаю, что мы в выпускном классе и все хотят поселиться, Пенни-пони!

– Люк. Меня родители...

– Мы их и спрашивать не станем. Пора бы тебе уже освоить лестницу, которую я столько лет совершенствовал втайне от твоего отца. Иначе это несправедливо, не находишь?

Он сделал шаг к Пенни; на нее дохнуло холодом улицы; с пушистой оторочки его воротника ей на руку упало несколько снежинок, отчего кожу будто ранило крошечными ножичками. На Пенни были домашние шорты и майка, но Люк Уилсон видел ее в таких нарядах постоянно и пока желание таскаться в ее спальню у него не пропало.

– Ч-что нес-справедливо?

Заикание в присутствии Люка – очередной симптом. К ло-

гопеду записаться Пенни тоже

планировала, но и это не сложилось. Видимо, в прошлой жизни она была настолько смелой и решительной, что на эту не осталось и грамма уверенности в себе.

– Ну, я к тебе прихожу, а ты ко мне никогда.

– Я п-прихожу. Постоянно п-прихожу. Через дверь.

– Да, и с разрешения моей мамы. Ох, Пеннипони. – Люк сграбастал ее одной рукой и прижал к себе. Из-за холодной куртки Пенни покрылась мурашками, особенно обнаженная полоска живота между майкой и шортами. – Однажды я дождусь, и ты все-таки нарушишь правила, заявившись ко мне через окно посреди ночи. В тебе пропал дух авантюризма!

– Я бы, м-может, и за-залезла, да боюсь застать у тебя в спальне... кого-нибудь.

– Никого, кроме тебя, в моей спальне не бывает.

И снова этот убийственно серьезный тон. Что бы он значил? Что девушка его мечты не приходит в его комнату? Знать бы еще, кто эта незнакомка.

От мыслей о возлюбленной Люка Пенни поежилась сильнее, чем от холода.

– Одевайся, или я сам тебя одену. Чего тебе бояться? Ты же со мной!

Пенни пару минут стояла, постукивая мыском по полу, прежде чем покорила пристальном взгляду Люка, который, если чего-то сильно хотел, просто не понимал слова «нет». Или это она сама его разбаловала?

– Ладно. Но если окажется, что там что-то...

незаконное, или мне станет некомфортно...

– Твой комфорт превыше всего. Конечно, мы сразу оттуда уедем. За кого ты меня принимаешь?

Я никогда тебя не подводил.

«Кроме того случая, когда не влюбился», – с грустью подумала Пенни и стала доставать одежду.

– Ты не выйдешь, пока я переодеваюсь? – Она застыла с брюками и свитером в руках.

– Э-э... а...

Он рассмеялся, кивая ей, – мол, как я мог не догадаться сам, и ломанул было в сторону двери, но Пенни тут же на него зашипела:

– Как ты им это объяснишь?

– Э-э, о'кей. Я в ванной. Подожду.

Люк кивнул на маленькую ванную комнату, смежную со спальней, но Пенни пихнула его на кровать и пошла в ванную сама. Уже почти собравшись, она столкнулась с новой проблемой.

– Куртка.

– У меня в машине куртка моей кузины Люси, она оставила ее у нас дома пару лет назад. Невесть что, но, кажется, теплая. До машины добежишь в моей. – И, не дожидаясь возражений, он закутал Пенни в свою огромную куртку.

– Ты похожа на семилетку, – улыбнулся Люк, обхватив голову Пенни руками, и она уставилась на него в ужасе.

Именно такой жест делали парни в фильмах, прежде чем целовали девушек, но Люк только тяжело

вздыхнул, потрепал Пенни по волосам и подтолкнул к запахнутому окну:

– Давай! Смелее!

– Люк, я боюсь высоты.

Спальня располагалась на втором этаже, под не была прачечная, поэтому никто никогда не засекал Люка за проникновением. Спрятанные под плющом скобы тоже оставались незамеченными, чем Люк успешно пользовался. Он нашел одну такую скобу еще в двенадцать; это было первое лето их дружбы. Вторую стащил в гараже у отца и незаметно вбил позже. Потом появилась третья.

В качестве стартовой площадки он использовал раскидистое дерево, на которое легко мог запрыгнуть, а потом спрыгнуть, но Пенни уступала ему в росте целых пятнадцать дюймов, и это было действительно слишком много, учитывая, что ее рост едва достигал пяти футов.

– Я переломаю ноги.

– Я тебя поймаю.

– Врешь. Я непременно...

– Ради всего святого, Понни, тебе еще учиться пробираться в мое окно, а оно куда выше твоего.

Пенни вздохнула и позволила Люку спуститься первым. Она следила за тем, как его руки ловко перебирают скобы – всего три, под самым карнизом. Потом он перепрыгнул на

ветку отточенным за шесть лет движением, прошел по ней к стволу, где было пониже. Повис на руках, раскачался и спрыгнул. И вот он уже превратился в темны силуэт на фоне белого снега.

– Иди ко мне, Пенни-пони, не то я тут замерзну в одиночестве!

Пенни выдохнула, зажмурилась и сделала первый шаг. Скобы действительно были удобными.

Для папы станет сюрпризом испорченный фасад дома, и кое-кому не поздоровится. Люк отлично справился, обезопасив свои путешествия в спальню подруги. Первая скоба, вторая, третья. Пенни нашарила ногой ветку дерева, и она угрожающе качнулась.

– Люк, я не смогу, – прошептала она.

– Давай, малыш, все получится, я тут. – Голос Люка доносился будто издалека, хотя это было не так. – Я поймаю тебя даже с такой высоты. Брось, это не так уж много. Ты же самая храбрая пони во всем Деполе.

Пенни закатила глаза и фыркнула. В Деполе помимо нее был всего один пони – в городском зоопарке, и быть смелее этого старика ничего не стоило.

– Если я умру, заберу тебя с собой, Лукас Уилсон, – пробормотала Пенни, встала на ветку, пошатнулась, но удержалась.

– Давай, малыш. Я готов ловить тебя в любую секунду.

Мало того что ноги дрожали, теперь еще и сердце от этих

нежных слов забилося, как у воробья.

«Люк, черт бы его побрал, Уилсон».

– Тогда лови, – взвизгнула Пенни, когда поняла, что порыв ветра ее неминуемо свалит.

Раз – и она уже в руках Люка. Он поймал Пенни так легко, будто она ничего не весила. Сердце колотилось на грани тахикардии, ни одного вдоха сделать было невозможно. Люк дрожал от холода, щеки покраснелись, изо рта вырывались клубы пара, касаясь макушки Пенни. Ей казалось, что мир замер на мгновение и снежинки перестали падать, зависнув в воздухе. Даже гирлянда, украшающая карнизы, перестала мигать. Магия. И виновник ее – один волшебник с коньками и коньяком.

– Ты как? – шепнул он ей куда-то в щеку.

Адреналин сменился невероятной нежностью и желанием поцеловать Люка. Ну по крайней мере в лоб. Или в нос. Да куда угодно.

– Не верю, что родители ничего не замечали все шесть лет, – очень тихо ответила Пенни, с трудом переводя дух.

– Однажды мы их непременно спросим. А теперь пошли покорять каток.

– Не поставишь меня на землю?

– Нет, так теплее. Ну ты и жестокая, Пенелопа Пони Уилсон! Я же умру от переохлаждения. Давай покрепче обнимай меня за шею и спасай от ангины.

Пенни хмуро уставилась на Люка. Уилсон? Кажется, он

уже заболел и явно в бреду.

* * *

Осень в Деполе начиналась всегда одинаково.

Сначала дождь, не прекращающийся почти полтора месяца. Потом снег, выпадавший обычно крупными, словно любимые хрустящие завтраки Кэтрин, хлопьями. А там и Новый год не за горами.

Деполе был маленьким городком, не более десяти тысяч жителей. Их район – классический двухэтажный пригород с аккуратно подстриженными лужайками и гирляндами на фасадах. Почти никто не дожидался декабря, и уже ко Дню благодарения улица переливалась цветными огоньками. Лишь один дом оставался темным пятном – ее собственный.

Припарковавшись, Кэтрин огляделась: не стриженный с осени газон, заваленный желтыми листьями, укрытыми одеялом из снега; проржавевший мангал, раскрытой решетчатой пастью будто умолявший спасти его; шланг, кем-то свернуты кольцами и брошенный к стене дома, словнодохлый удав, да живая изгородь из самшита – единственная в этом месте все еще не сдавшаяся обстоятельствам, пусть кривая и нестриженная, но пытающаяся бороться и как-то жить на краю этого садового безумия. Иногда Кэт казалось, что она сама как тот самшитовый куст. Борется, борется, сама не зная, придет ли когда-то этой борьбе конец.

– Мам, я дома! – крикнула Кэтрин, бросив ключи в металлическую вазочку у входа, чтобы

они зазвенели. Окинула взглядом свое отражение в зеркале прихожей и изобразила на лице улыбку.

Нужно.

В одном из ее ежедневников был законспектирован целый список рекомендаций, как именно она должна себя вести, чтобы помочь маме. «Депрессия – это не прихоть, это болезнь. А значит, относиться к человеку нужно как к тому, кому требуется помощь».

Хлопнула задняя дверь, мягко заскрипела сетка, а затем раздался топот кошачьих лап по стертому временем паркету. В комнату вбежал Тоби и тут же принялся тереться о ноги Кэтрин.

– Что, всех девчонок мисс Престон перепортил? – почесав его за ухом, улыбнулась она.

Мисс Престон держала целый выводок персидских кошек, идеальных, как сама белизна. Следила за ними, как за родными дочерьми не следят, не выпускала даже во двор. Вот только коту семьи Ли было плевать на эти запреты, и Кэтрин постоянно ждала, что настанет день, когда соседка заявится на их порог с тестом на кошачью беременность и требованиями алиментов. Самым кошмарным во всем этом оказалось то, что Престон была в их школе музыкальным работником и без ее унылых этюдов не обходилось ни одно мероприятие. Кэт дорого стоили выходки Тоби, потому что мисс Престон

сверлила ее взглядом при каждой встрече, а то и поминала недобрым словом.

– Ты уже вернулась?

Кэтрин подняла взгляд, встретившись с маминым спокойным – теперь уже спокойным – взглядом, отметила линию ее улыбки. Такой редкой, такой желанной, но словно натянутой. Такой же, как у нее самой, как бы это ни было прискорбно.

– Сегодня все закончилось раньше, чем планировалось, – ответила она.

– Нашла себе кавалера на праздник?

– Пришлось от пятерых отбиваться.

– Пообещай каждому по танцу, и все останутся счастливы, – подмигнула мама.

– Как бы живы остались, – пробормотала Кэтрин. – Не перестрелявшись от счастья-то.

Удивительно, но, несмотря на придурка мужа, ушедшего в другую семью и загнавшего бывшую жену в такую глубокую депрессию, что проще оказалось оттолкнуться от дна, чем плыть к свету, мать до сих пор верила в любовь. А вот у ее дочери такой веры не было. Опыт отношений Кэтрин можно было описать как ноль, помноженный на ноль и возведенный в куб. Ее желание этих отношений – на единицу больше. Иного ей не требовалось.

Она вошла в туалет, включила воду и, пока та создавала белый шум, открыла шкафчик, чтобы пересчитать таблетки

в каждом из блистеров. Ровно на одну меньше, чем должно быть. Хорошо. Выключив воду и свет, она вышла в гостиную.

– Давай помогу с ужином! – выкрикнула Кэтрин, подхватив валявшийся на спинке дивана

фартук, сделала шаг в кухню и застыла. Потом что и картинка перед ее глазами застыла тоже. Она будто глядела на фотографию, сделанную вчера вечером.

Грязная тарелка на стойке. Кастрюля, торчащая из раковины. Крошки на столе, которые она благополучно забыла убрать. Собиралась, но в два часа ночи заснула за учебником. А утром и времени не было. Значит, все не так уж и хорошо, как могло показаться.

– Ты ничего не ела? – спросила она осторожно.

– Боже, детка, я ведь взрослая девочка и давно могу о себе позаботиться, – отмахнулась мама, натянуто рассмеявшись. – Давай я лучше тебе что-нибудь приготовлю.

Кэтрин знала: это дурной знак. В последний раз он стоил ей трех дней реанимации и семи тысяч больничного счета.

– Давай закажем пиццу? – предложила она, зная, что мать не так уж сильно любит готовку. – Посмотрим кино, что думаешь?

Тратить время на глупые фильмы было меньшим из желаний Кэт в данную минуту, но улыбка, чистая, искренняя, зажегшаяся на лице матери, была в сотню раз дороже.

– Отличная идея, я позвоню. На углу открылся новый итальянский ресторанчик, говорят, цезарь там – просто пальчи-

ки оближешь, — затараторила мама.

— Класс! — Кэт подняла вверх палец. — Ты звони, а я присоединюсь. Переоденусь только. — И, подхватив сумку, она поплелась наверх.

В ее комнате, абсолютно безвкусной, полстены занимали книги, а половину комнаты — кровать и пустые стены. Когда-то там были плакаты групп, фото актеров и прочая чепуха, которой тринадцатилетние девочки обычно забивают свободное пространство, но сейчас висел только календарь, на котором она красным фломастером зачеркивала дни до предстоящих экзаменов. А балл требовался слишком высокий.

Конечно, она могла попробовать получить спортивную стипендию, но не во всех колледжах имелись команды по легкой атлетике, к тому же Лига плюща требовала намного большего, чем просто быстрые ноги. Когда-то Кэт нравился баскетбол, но они ходили туда вместе с Тейлор, пока Пенни наблюдала за ними с трибун. После того злосчастного Нового года ни одна из них больше не появлялась на стадионе.

Она поступит в Оксфорд, или Йель, или еще один из университетов Лиги. Будет пробовать до последнего. Соберет самые сильные рекомендательные письма, какие сумеет. Приложит медали со всех соревнований. Оставалась только одна проблема: эссе. Кэт не из тех, кто любит погружаться в философские мысли. Несколько раз она пробовала во время утренних пробежек, но так и не смогла найти слов, чтобы

рассказать, почему они

должны взять именно ее. Глянув на календарь, она тяжело вздохнула. Времени оставалось все меньше.

Вытряхнула из сумки книги по английской литературе в надежде, что, может, они подскажут нужные фразы, и усе-
лась за стол.

– Кэти, спускайся, я фильм выбрала, – раздался мамин голос.

– Уже иду!

По крайней мере, все, что она могла делать, она уже делала. Делала чью-то жизнь легче. Но каждый раз все равно задавала себе вопрос: а могла ли больше? И сама давала себе ответ: постараюсь внести это в расписание на завтра.

Ее разбудил звук будильника.

Подняв голову, Кэтрин попыталась понять, когда успело наступить утро, но за окном было так же темно, только снег опять пошел. Вот неугомонный, что ему нужно в таких количествах и так рано?

Мамы рядом не было. Кэтрин лежала на диване, накрытая старым пледом, а подушкой служила свернутая отцовская кофта.

– Который час?

Она протянула руку к телефону и только сейчас поняла, что поднял ее не звонок, а звук входящего сообщения. Номер был незнаком, но стоило открыть окно переписки – и она едва не подпрыгнула. Желудок как раз подпрыгнул да так и

завис где-то в горле, не желая возвращаться на родное место.

«Моя милая Китти-Кэт, как нехорошо опаздывать. Ведь все собрались и ждут лишь тебя».

Когда начало загружаться фото, внутренности у Кэт сжались окончательно. Потому что с крошечного селфи, сделанного чьей-то вытянутой рукой, на нее смотрела вся группа номинантов. Стоящая посреди парка. На коньках. И управлял этим безумием один человек. Человек, которому явно надоело жить.

* * *

Под ночным небом, усыпанным звездами, царило волшебство, достойное рождественских фильмов, которые Тейлор не смотрела с двенадцати лет.

Когда-то у них с Пенни была традиция смотреть вместе «Один дома» и «Чудо на -й улице». Родители Браун по праздникам постоянно дежурили в больнице, а родителей Тейлор не было дома так часто, что она даже не пыталась строить планы.

Шесть лет назад все диски с милыми фильмами полетели в мусорку, а зимняя сказка перестала радовать.

Может, все изменится в этом году? Слишком уж красиво было за окном для начала декабря, даже привычных луж не видно. Снежные хлопья лениво танцевали в холодном воздухе. Весь город был украшен огнями и гирляндами. Золо-

тистые и серебряные узоры на фасадах зданий сияли на фоне снежного покрова. Тейлор и Дэниел проезжали по центральной улице городка Деполе. Тейлор была на взводе. Она сама не могла разобраться в калейдоскопе своих чувств, однако, ощущая Лоренса рядом, точно знала, что ей нужен свежий воздух.

Она опустила окно автомобиля, позволяя ветр играть со светлыми волосами, и глубоко вдохнула морозную свежесть. С тех пор как они оказались в машине вдвоем, она ни разу не посмотрела на него. Ей не давало покоя то, что он слишком быстро согласился на эту авантюру. Дэниел не задал ни одного вопроса и даже не потребовал подробностей. Он просто сказал: «Хорошо». Уму непостижимо, думала Джонсон. И боялась той реакции и волнения, что нарастали у нее внутри рядом с ним.

Он сидел за рулем ее розовой «ауди», крепко держа руль одной рукой, и медленно въезжал на стоянку. Вот они и прибыли. Внутренний голос Джонсон орал, что это ошибка и ей тут делать нечего. Однако стоило представить довольный взгляд Эмбер Новак, как в ней просыпалась решимость.

Тейлор Джонсон утрет ей нос! И даже бровью не поведет.
– И сколько продлятся наши фальшивые отношения? – подал голос Лоренс.

Тейлор нахмурилась. У нее не было ответа на этот вопрос.
– Я только сегодня рассталась с Гарри, – сказала она, не поворачивая голову в сторону Дэна, но четко ощущая на себе

его пристальный взгляд.

– Как же это приятно слышать! – отозвался он.

Райан с Лоренсом вечно прикалывались над Гарри, закатывали глаза, когда видели его в доме, в шутку называли недопринцем, чем жутко ее раздражали. Но Райан вел себя так со всеми ухажерами сестры, и, казалось, Лоренс просто подыгрывал ее старшему брату.

– Значит, тебе нужен я, чтобы продемонстрировать, что ваши отношения оборвались окончательно? – поинтересовался Лоренс, припарковав машину и заглушив двигатель.

Тейлор наконец набралась смелости и, повернув голову, посмотрела в его голубые глаза. В темноте они мерцали словно звезды. Она не хотела выдавать всю правду. Боялась показаться Дэну жалко и глупой. Лоренс внимательно изучал ее, и Тейлор даже почувствовала дискомфорт от его долгого, пронизывающего взгляда. Неожиданно выражение лица Дэниела изменилось, взгляд из теплого стал суровым и злым. Тейлор покрылась мурашками.

– Этот придурок донимает тебя? – тихо произнес Дэн с интонацией, которая четко давала понять: «Ты можешь мне доверять».

Однако Тейлор слишком хорошо его знала и чувствовала вибрирующую волну напряжения и волнения, исходящую от него.

– Нет-нет, – поспешила ответить она, пока Дэн не выпрыгнул из машины и не начал разбираться с Гарри. – Все хоро-

шо, просто у него уже есть девушка, понимаешь?

Дэн несколько раз моргнул, явно сбитый с толку.

– Как это? Уже?

Тейлор кивнула и отвернулась. Нет, она не собиралась рассказывать Лоренсу, что ей изменили.

Боже, как это унижительно!

– Ладно, покажем этому придурку, что ты в нем не нуждаешься, – сказал Лоренс.

Он вылез из машины, обошел ее, чтобы открыть дверцу для Тейлор, подал ей руку, и она застыла.

Просить его быть ее фальшивым парнем было самой ужасной идеей из всех! Тейлор только сейчас начинала осознавать все последствия. Как бы не стать очередной в списке Дэниела Лоренса.

– Давай, Тейлор, – прошептал он. – На меня уже смотрит орава девчонок, и все явно ждут нашего появления!

Джонсон неловко откашлялась и положила свою маленькую кисть на его теплую ладонь. Волна мурашек пробежала по телу.

– Чувствую себя суперзвездой, – прошептал он ей на ухо, и рой мурашек стал еще больше.

«Ошибка, ошибка! Это была большая ошибка!»

Тейлор наткнулась на любопытные взгляды девчонок-чирлидерш, среди которых стояла Эмбер. Та поджала губы и не смогла скрыть досаду. Джонсон смотрела на Новак и грустно размышляла о том, как это так произошло, что у

нее самой нет настоящих, преданных и любящих друзей. Почему ее всегда обманывают и пытаются дружить только ради выгоды? Если бы она поделилась этими

мыслями с матерью, то Джулия бы ответила, что такова судьба красивых и успешных женщин. Но Тейлор не хотела верить, что цена красоты и успеха – одиночество.

Дэн продолжал держать ее за руку, и они вдвоем подошли к катку. Переливающиеся гирлянды сверкали по периметру. Громкая музыка смешивалась с веселыми голосами и радостным смехом. Новогоднее настроение? У Тейлор его вовсе не было.

Она крепче ухватила за руку Дэна, борясь с желанием закричать. Тейлор злилась на Кэт за столь неожиданное собрание, злилась на себя за то, что Эм имеет над ней такую власть. Она приперлась сюда с парнем, лишь бы эта идиотка не осталась в выигрыше, но кто создал правила этой тупо игры? И почему Тейлор так беспокоится о том, что подумает идиотка Эм? Глупо, глупо и еще раз глупо!

Но она ничего не могла с собой поделать. Порой так бывает. Глупость берет верх.

– Так-так, все собрались? – потирая руки, спросил парень, о котором за последний день было сострепано так много сплетен, что они все перешли в категорию «фантастика». Кто-то говорил, что он наркодилер, другие нашептывали строго секретные подробности про секс-трафик. Казалось, народ в школе пытается выдумать ему биографию как

можно нелепее. Снежинки падали на его темные волосы. Он оглядел всех присутствующих лукавым взглядом.

– А где Кэт? – поинтересовался Люк Уилсон.

Тейлор глянула на Пенни, стоявшую рядом с ним, и невольно усмехнулась. Столько лет прошло, а ничего не меняется. Эти двое как прилипли друг к другу шесть лет назад, так и не отлипают.

Интересно, он один в состоянии заменить Браун подруг? Смотрит с ней фильмы, а она так же таскается на стадион, как когда-то к ним с Кэт? Все-таки Пенни получила что хотела, а прикидывалась серой мышкой.

– Не поверите, но наш президент опаздывает! – звонко ответил парень, и его губы растянулись в довольной улыбке. – Давайте знакомиться, я Хитклифф, и на сегодня я за главного.

– Значит, коньяк все-таки можно? – донесся чей-то голос.

– Нужно! – провозгласил Хит, и по всем катку разнесся рокот смешков. – И не стойте как истуканы! У нас репетиция. Коньки надеваем – и на лед.

Тейлор поежилась от холодного ветра.

– А кататься на коньках обязательно? – неуверенно спросил у нее Дэн.

Плохой звоночек, подумала Тейлор. Лоренс никогда не выказывает неуверенности, напротив, ходит напыщенным индюком с видом всезнайки.

– Похоже на то, – отозвалась она. – Я тоже неважно ката-

юсь.

Они смотрели, как парочки постепенно вставали на лед и пытались синхронно двигаться.

Конечно, ни у кого ничего не получалось, все хохотали, валились друг на друга и очень быстро сообразили, что это не репетиция, а шутка Кэтрин Ли, которая, видимо, таким образом решила разрядить обстановку, но ребята, кажется, поддались рождественскому настроению. Они притворялись настоящими танцорами на льду. Самые опытные наворачивали круги и выделяли трюки. Эм гадко улыбнулась и помахала Тейлор рукой. Она отлично каталась! Гарри делал вид, что не замечает ее и Дэна. Он громко смеялся, шутил и слишком много пил. Тейлор знала, что это «беззаботное»

представление – для нее, и планировала отплатить бывшему парню той же монетой. Лоренс достал привезенные с собой коньки, и они сели на лавочку, чтобы переобуться.

– Так, давай быстро на лед! – скомандовала она Дэниелу.

– Не спеши, – проворчал Лоренс и неожиданно присел перед ней на корточки. – Кто так шнурки завязывает? Хочешь споткнуться и упасть?

Лоренс старательно перевязал ей шнурки, и Тейлор почувствовала, как румянец плывет по шее вверх к щекам.

– Всё, пошли, – хрипло сорвалось у нее с губ.

Он молча взял ее за руку и повел на каток. Отчего-то Тейлор стало сложно дышать, а сердце силилось вырваться из

грудной клетки. Тейлор списывала это на волнение перед катком, ведь она едва могла стоять на льду. Упасть не хотелось. Но внутренний голос велел ей не обманываться и подвел

итог, тихо шепнув: «Все дело в руке, которая держит твою ладонь». Нет-нет, отмахнулась Тейлор.

Все дело в катке!

Они остановились у самого входа и переглянулись. Дэн едва переводил дух. Ребята уже катались.

У одних получалось неважно, у других получше.

Люк Уилсон стал звездой вечера. Парень выполнял плавные повороты и даже мог сделать дорожку назад. Толпа улюлюкала и громко ему аплодировала.

«Красиво», – пронеслось в голове у Тейлор.

Гирлянды, огоньки, музыка и смех. Может быть, несмотря ни на что, рождественское настроение проникнет и в ее окаменелое сердце? Она помнила, что каток работает до одиннадцати вечера, и не могла понять, каким образом Кэт договорилась о столь позднем катании. Да такие шалости и нетипичны для Кэтрин Ли. Что же на нее нашло?

Может, энтузиазм выпускного класса?

Дэниел Лоренс смотрел на сестру своего лучшего друга и не мог понять, какая муха ее укусила.

Еще менее он понимал, какая муха укусила ЕГО.

Иначе что он забыл на катке в двенадцать ночи с кучкой старшеклассников?

– Кэтрин до сих пор нет, – задумчиво произнесла Тейлор и внимательно оглядела лица присутствующих.

Она заметила, что все вокруг смотрят на них с Дэном, держащихся за руки. Почему он держит ее за руку? А, да, им нужно правдоподобно играть роль пары. Маленькая ладонь Тейлор тонула в его

руке. Джонсон удивленно отметила, что та такая горячая, словно на улице не четырнадцать градусов по Фаренгейту. От волнения сердце вновь бешено заколотилось. Джонсон списывала все эти ощущения на нервы. Каток в двенадцать ночи? Кэтрин Ли смогла ее удивить.

– Попробуем? – нерешительно спросил Дэн, слегка побледнев от волнения.

Тейлор кивнула. Неожиданно ей захотелось стать частью этого праздника. Будучи перфекционисткой, она уже представила, как они идеально кружатся в такт мелодии и все вокруг с завистью смотрят на них. Но ее мечтам не суждено было сбыться. Как только Лоренс и Джонсон ступили на каток, их занесло вбок, и, не удержав равновесия, оба грохнулись на лед. Дэн успел спасти Тейлор от удара, потянув ее на себя. Она упала прямо ему на грудь, уткнувшись носом в пуховик.

Конечно, громче всех от увиденного расхохотался Гарри. Его идиотский наигранный смех сотрясал воздух, и остальные подхватили, будто пытались пересмеять друг друга. *Какой позор!* Тейлор покраснела, пытаясь подняться с Лорен-

са. У нее не получалось. Она раз за разом падала на него, чем еще сильнее смешила толпу. *Ужас, ужас! Все смеются надо мной...*

В этот момент на помощь пришел Люк Уилсон.

Удивительно, как парень таких габаритов столь плавно двигался на льду. Он протянул ей рук и одним легким движением поднял ее на ноги.

В отличие от Дэниела стоять за руку с Люком было совершенно не страшно. Он держался так уверенно, что Тейлор показалось, будто и она сама сможет проехать больше метра не опозорившись.

– Ты в порядке? – тихо прошептал он, загораживая своей спиной гиен, которые больше не смеялись. Ведь Большой Волк пришел к ней на помощь...

– В порядке, – прошептала Тейлор и крепче сжала его руку.

В ее взгляде читалось: «Пожалуйста, не отпускай». Люк тяжело вздохнул и кивнул ей.

– Если хочешь, могу научить вас обоих, это несложно, – по-свойски предложил он, будто между ними никогда не пробегала черная кошка. Или, если точнее, щенок ирландского волкодава с галстуком в зубах.

– Спасибо, обойдусь, – усмехнулся Лоренс, а Тейлор пожала плечами.

– Пенни не расстроится?

– О, она отлично умеет кататься, я вряд ли ей нужен.

Пенни, стоявшая в углу, застыла, боясь пошевелиться, только Люк этого, кажется, не видел.

Лоренс наконец смог встать и, глянув на Тейлор, вцепившуюся в руку Люка, невнятно выругался.

Впервые в жизни он ощутил себя таким идиотом.

Новогоднее настроение? Да пусть оно катится к черту! На этом катке было слишком много разбитых сердец.

* * *

Пенни умела кататься на коньках и сейчас жалела об этом больше всего на свете. Люк Уилсон наворачивал круги по катку, придерживая за талию Тейлор Джонсон, а не ее. Тейлор смотрела на Люка своими огромными глазами с такой благодарностью, так звонко смеялась и так изящно разводила руки в стороны, ловя равновесие, что сердце у Пенни болело при каждом ударе, его будто сковало ледяной коркой. Это мучило, в глазах закипали слезы, а кататься не было никакого желания.

Как только стало ясно, что каток – это шутка, тимбилдинг или вроде того, парочки распались.

Парни начали выделяться, разгоняться до такой скорости, что в итоге непременно сталкивались, потеряв равновесие, и с грохотом валились на лед или в сугроб. Девочки, хоча, кружились на месте и учили друг друга делать подсежку назад.

Кто-то включил музыку повеселее, и теперь каждый мог подпевать рождественским и новогодним хитам, но Пенни опустила на лавку и не хотела в этом участвовать. Ей было плохо. И холодно.

Куртка Люси оказалась коротковата, но при этом на несколько размеров больше, и под нее нещадно задувал холодный ветер.

Пенни и Люк научились кататься еще в двенадцать, и тот день стал началом их дружбы. Шесть лет назад случилась самая одинокая зима Пенни. Родители только-только переехали в район Грин-Плейс из крошечной квартирки и работали из последних

сил, чтобы поскорее разобраться с ипотечными счетами. Они брали все внеурочные смены, какие только могли, подрабатывали в приемном отделении и буквально жили в больнице. В доме Браунов почти не было мебели, красивых вещей и одежды.

Но был соседский мальчик Люк и коньки его кузины Люси. Как смешно, что Люси опять выручила Пенни сегодня.

Мама Люка пришла той зимой к Браунам с этими коньками в руках и сказала, что у Люси выросла нога, а она даже не успела ни разу покататься.

Новенькие коньки в фирменной коробке были не просто великолепным подарком – они будто светились волшебным светом. Рождественское чудо, не меньше.

Пенни много раз слышала от родителей, что им в ближай-

шие пару лет придется потуже затянуть пояса, и речи не шло ни о каких зимних забавах.

Даже подарок от бабушки на Рождество был самым скучным и практичным в мире: новые сапоги и школьный рюкзак, потому что родители не могли себе их позволить. Дом в хорошем районе обошелся им слишком дорого. У Пенни теперь была своя большая комната, но ей нечем было ее украсить.

– Но я не умею кататься, – пискнула Пенни, на самом деле больше всего на свете мечтая принять подарок, даже если придется сидеть в этих коньках в своей комнате и ни разу не выйти на лед.

– О, мой сын как раз собрался на каток, тут в паре кварталов от нас. Он тебя научит.

Так Люк Уилсон впервые взял за руку Пенни Браун, несмотря на то что неделей раньше она участвовала в новогоднем скандале. Потеряв подруг, Пенни чувствовала себя одинокой и брошенной, а Люк таскал ее с собой на каток каждый свободный день. Одному Богу известно зачем.

К концу сезона Пенни умела делать кучу разных штук, ездить спиной вперед, кружиться на месте не падая и могла, подпрыгнув, приземлиться на одну ногу.

У них были три такие зимы, потом нога у Пенни выросла, а помимо коньков нашлось что попросить у Санты. Когда тебе пятнадцать, есть куча разных желаний. И вот Люк Уилсон учит не ее, а Тейлор Джонсон. Пенни хотела бы вос-

кликнуть, как сильно она ненавидит Люка, но не могла себе лгать. Она была расстроена. И разочарована. И поняла наконец, что мечтать больше не стоит.

Люк явно влюблен, и точно не в нее. Иначе почему он так цепляется за Тейлор, поддерживает ее, смеется вместе с ней? Он поправил ей съехавшую шапку и, взяв за обе руки, потянул на себя, показывая, как держаться ровно. Гарри, бывший парень Тейлор, сверлил эту парочку взглядом, а это значит, Пенни не сошла с ума. Ей не показалось.

На другой стороне катка тот, с кем пришла Тейлор, тоже не выглядел счастливым. Будь Пенни смелее, она бы непременно пригласила этого здоровяка и научила кататься. Она могла. Тем более он казался

ей знакомым. Когда-то Пенни и Тейлор постоянно ночевали вместе, спасаясь от одиночества, и этот парень, тогда еще мальчик, приходил к Райану играть в приставку. А он вымахал. И раздался в плечах.

Но, к сожалению, все, чего Пенни хотела на самом деле, – это уйти, а не учить кого-то кататься.

Самое страшное, что Люк и Тейлор прекрасно смотрелись вместе. Он – капитан баскетболистов.

Она – лидер группы поддержки. В центре внимания, красивые, популярные. Они бы отлично выглядели на общем фото в выпускном альбоме, стали бы украшением зимнего бала.

Действительно, Пенни, разве не предложил бы он тебе

встречаться давным-давно, если бы для него ваша дружба была чем-то большим? Разве стал бы он просто гулять с тобой столько лет и не предложил бы сходить на свидание? Залезал бы в твою спальню, чтобы просто лечь спать, и даже ни разу не поцеловал? Сказал бы он тебе, что влюблен в какую-то девчонку?

Ей стало стыдно, что в глубине души она позволила себе раз мечтаться. Нет, так не бывает с такими, как она. Пенни не дурнушка, не девочка с синдромом отличницы. Она серая мышка, у которой все и не плохо, и не хорошо. Никак. И популярны парень не ненавидит ее, не заставляет страдать из-за своего безразличия, но и не любит. Она всегда будет слишком близко, всего лишь в паре метров от его протянутой руки. Только это расстояние не ровная дорога, а обрыв, через который она ни за что не перепрыгнет своими коротенькими ножками.

* * *

Если бы Кэтрин не лишилась своего ежедневника, она бы точно вписала в него два факта:

у учеников школы Деполе все очень хорошо с пониманием ответственности и в край плохо с чувством юмора. А потом добавила бы красной ручкой:

«А вот кое у кого чересчур хорошо». Еще по дороге ей переслали то самое ставшее культовым сообщение. Прочи-

тав, Кэт аж взвизгнула. Нет, ну как эти идиоты могли поверить? Разве могла она, Кэтрин Ли, президент школы, выдумать такое?

– Вот ведь засранец, – пробормотала девушка и, завернув на подъездную дорожку, заглушила мотор.

В парке было пусто. Что, в общем-то, логично: кому придет в голову тусоваться ночью посреди леса? Ему. Именно ему. Возможно, чей-то нос был чересчур любопытным. Или он просто решил таким образом поквитаться? Но Кэтрин не из тех, кому указывают ее место. Всегда указывает она.

К моменту, когда девушка добралась до катка, в мозгу у нее разыгралось и завершилось несколько мировых войн. Она прошла как минимум три из пяти стадий принятия, понимая, что если не сторгуется с этой колумбийской задницей, то свалится в четвертую под названием «депрессия», а так как с этой стадией была хорошо знакома, решила не искушать судьбу. Да и на самом деле, что ей оставалось делать? Надеть коньки и гоняться за ним по льду, выкрикивая на ходу ругательства? Она же не

десятилетка, в конце концов. Сдать полиции? Идея казалась заманчивой, вот только проклятая совесть никак не позволяла. Отругать учеников и разогнать всех по домам? Глупо. Они ведь не дети.

Взять хотя бы Уилсона – вон какой вымахал, почти на голову выше остальных, и как такого домой загонишь? На ре-

петиции они под ее ответственностью, решила Кэтрин, а за ее пределами пусть делают что хотят. Хоть поубивают друг друга. Или ее. За подобные шутки-выходки.

Хитклифф обнаружился ожидаемо быстро. На ногах у него тоже были коньки, и катался он весьма уверенно. Облокотившись на бортик, отделяющий каток от остальной части парка, Кэтрин изобразила на лице максимальное спокойствие, потому что он заметил ее еще на подходе. И теперь смотрел в упор и улыбался. Он выглядел таким самодовольным, будто нарочно филигранно пытался на глазах у всех вывести ее из себя. Подъехав к ней, он резко затормозил у края льда, окатив борт ледовой крошкой, но Кэтрин даже бровью не повела.

– Что происходит? – произнесла она.

– Где? – оглянулся парень.

Она обвела рукой пространство катка и всех присутствующих.

– Что-то я не вижу, чтобы кто-то возмущался.

Подвинься. – Повернувшись спиной к бортику, Хитклифф подпрыгнул, подтянувшись на руках, и ловко на него уселся. – А ты их выдрессировала будь здоров! Я сказал им взять коньки – они взяли

коньки. Сказал притащить коньяк – они притащили коньяк. И главное, никто не задал ни единого вопроса, прикинь?

– Это годы упорных тренировок, Синдикат.

– О, какая прелесть, еще даже суток не прошло, как я здесь, а уже обзавелся милым прозвищем. Интересно, если в следующий раз я поручу им отыскать «Бехеровку», они за день смотаются в Карловы Вары, чтобы только нагоняй не получить?

– Ты безалаберный, наглый, неуправляемый тип...

Но тираду Кэтрин прервали, похлопав ее по плечу.

– Эй, Кэт, классная идея.

Это был один из выпускников, ходивший с не на экономику. Кэтрин не помнила его имени, пока не увидела в списке номинантов. Кажется, для участия в бале его выдвинул автоклуб.

– Что? – Она даже рот приоткрыла в недоумении.

– Хорошая идея – узнать друг друга лучше.

В неформальной обстановке, так сказать. Я всю школу с вами проучился, а половины имен не знаю.

Жалко было бы вот так распрощаться!

Парень напоследок улыбнулся и укатил, тут же подхваченный шумной толпой. Кэтрин огляделась.

Кажется, никто не выглядел возмущенным или желающим совершить над ней расправу. Все... веселились? Справа над ухом послышался сдавленный кашель.

– Прости, я не расслышал, ты, кажется, хотела сказать спасибо?

– Отработай свои положенные законом часы, и страна тебе спасибо скажет, – ответила Кэтрин. – А пока давай оста-

новимся на том, что ты не мешаешь мне, я не мешаю тебе, или мне придется принять меры.

– Например?

Она вытащила из кармана телефон, отошла на пару шагов назад и сделала фотографию Хитклиффа, сидящего на бортике катка в городском парке, позади украшенная елка и горят часы, показывающие час пополудни.

– Если я правильно помню, в твоих бумагах указано, что после одиннадцати ты, как находящийся под наказанием, обязан быть дома. Думаю, я отправлю это фото твоему инспектору. К сожалению, иначе у нас не выходит, но хотя бы так я заставлю тебя подчиняться.

Улыбка сошла с лица парня, на что тараканы в голове Кэтрин ликующе замахали флажками, подняв таблички «,» и явно оценив этот номер.

– Удали фотографию, – предельно серьезно произнес Хитклифф.

– Даже не подумаю! – Улыбнувшись, Кэтрин выключила экран и спрятала телефон во внутренний карман куртки так, что, даже если этому парню очень захочется отобрать его, ничего не выйдет.

Хитклифф спрыгнул с бортика на снег и медленно подошел. Кэтрин не двинулась с места. Е пришлось чуть задрать подбородок, потому что на коньках он оказался еще выше, но решимости е было не занимать.

– Не с той ты связался, Хитклифф из колумбийского нар-

кокартеля.

– Просто проясним кое-что между нами, – ухмыльнулся он. – Я правильно расслышал, ты действительно сказала: «Заставлю тебя подчиняться»?

– Именно так.

– Послушай, Китти-Кэт, я не из тех, кто любит ругаться. Думаю, нам пора заключить перемирие. Ты не лезешь ко мне, а я помогаю тебе сделать с этой кучкой баранов что-то, похожее на нормальный номер.

– Они не бараны. Сам ты баран.

– Слушай, я же был там, видел, как ты занимаешься почти что некромантией, потому что заставить вот их, – кивнул он в сторону катка, где уже хорошо раскрасневшиеся одноклассники повалились в одну кучу, – нормально танцевать – все равно что поднять мертвых из могилы. А я смог тебе помочь.

– Я не заключаю сделок с криминальными элементами. Это ниже моих моральных принципов.

– Значит, на этот раз, – усмехнулся Хитклифф, – придется принципами поступиться, или... – Он наклонился и отчетливо произнес: – Я. Заставлю. Тебя. Подчиниться. – А потом щелкнула вспышка, и Кэтрин замерла, увидев на экране его телефона их совместную фотографию.

На фоне той же елки и тех же часов. – Теперь смотри, как это делают взрослые. – Парень что-то пощелкал в своем телефоне, а потом протянул его замершей Кэт.

Она взвизгнула, прижав руки ко рту. Телефон упал в снег.

– Ну вот, разбей еще, – проворчал Хитклифф, наклоняясь, чтобы поднять.

– Ты... – запнулась Кэтрин. – Ты...

– Я? – прищурился парень, стряхивая ледяную крошку с экрана.

– Ты... – повторяла Кэтрин, разрываясь от негодования. – Ты отправил его не только инспектору, но и директору школы!

Если бы Кэтрин была викторианской барышней, она обязательно бы хлопнулась в обморок. Выходит, теперь она не только нарушительница чужого комендантского часа, но еще и соучастница.

А вкупе с сообщением, что разослано с ее почты половине выпускного класса, так вообще главный нарушитель порядка.

– Я же сразу предупредил, что мы в одно упряжке, – пожал плечами парень. – Если одного подстрелят, второму придется тащить его бездыханный труп. Так что, Кэт, давай постараемся выжить. Нам еще бал готовить, в конце концов.

Хитклифф расслабленно погладил застывшую Кэтрин по щеке, как будто так всегда между ними и было, и, развернувшись, опять отправился кататься. И где-то здесь, между его финальным прикосновением и словами про единую упряжку, Кэтрин поняла: несмотря на образ безалаберного разгильдяя, на самом деле это был лидер с кулаком не менее

крепким, чем у нее самой. Они были слишком похожими, но при этом совершенно противоположными. Как минимум потому, что стояли по разные стороны конституции и свода законов. И теперь им предстояло схлестнуться.

Она постояла так еще пару секунд, глядя на оставленные у лавки ботинки, на правом из которых верх был зашнурован красной банданой, и, бросив еще один взгляд на этого колумбийского придурка, прошептала:

– Ладно, Хитклифф, мы еще посмотрим, кто кого!

Глава, в которой Пенни знакомится с Майклом Джорданом, Тейлор извиняется, а Кэтрин нет

– ЭЙ, ТЫ В ПОРЯДКЕ? – Знакомый голос Кэт отвлек Пенни от приступа самобичевания, и она подняла голову.

Она сидела на лавочке вот уже как минимум час, пока народ развлекался. И все это время Люк не отлипал от Тейлор. Бывшая подруга стояла совсем рядом, снежинки, плавно спускаясь с неба, ложились на ее простую черную шапку и украшали ее крошечными бриллиантами.

– Да, просто замерзла.

– Почему не греешься коньяком?

– Это... не мое.

Кэтрин кивнула и скрестила руки на груди.

Пенни даже не заметила, в какой момент она подошла. Но на ногах у Ли не было коньков, а в руках фляжки. Только объемистая сумка, с которой она часто ходила на уроки, и ключи от машины.

– Ты уезжаешь?

– Мне тут делать нечего.

– Но ты же организовала...

– Да, хотела вас повеселить. Вот такая я... весельчачка, – негромко ответила Кэт, наблюдая за происходящим на катке.

Заиграл «Jingle Bell Rock». Кто-то снял с ледяных скульптур, украшающих каток, шапочки Санты.

Эмбер, Мэй и Линда – номинантка от школьной газеты – танцевали вариацию на тему номера из «Дрянных девчонок», что явно произвело настоящий фурор. Тейлор не присоединилась к ледовому шоу. Они с Люком стояли в стороне, он что-то ей объяснял, а Джонсон смотрела то ему в глаза, то себе под ноги. Всем было очень весело, и если в этом и заключалась цель Кэт, то она справилась.

– Я собираюсь домой. Если хочешь, подброшу тебя до поворота на Грин-Плейс.

– Буду очень рада, спасибо.

Пенни взяла с лавки сумку со своими ботинками и быстро расшнуровала коньки. Ноги без движения совсем окоченели, даже в горле уже нехорошо першило. От лавочки, на которой Пенни сидела, до машины Кэт было всего несколько метров, и, к счастью, не пришлось пересекать каток. Скорее всего, Люк не заметит, куда исчезла его партнерша по вальсу. Тем более как раз в этот момент Тейлор с хохотом на него повалилась.

Пенни подхватила вещи и бросилась следом за Кэт, которая уже сидела в машине, крепко сжимая руль обеими руками. Они обогнули стройку, выехали на центральную улицу

и обе заулыбались.

Несмотря на печальный вечер, город все еще казался сказочным, будто его уменьшили и засунули в стеклянный шар. Хлопья снега все сыпались и сыпались на черный асфальт. Любители поздних прогулок с собаками останавливались посреди тротуаров, чтобы понаблюдать за тем, как Деполе одевается в чудесную пушистую шубу.

– Зима будет снежная, кажется, – произнесла Кэт.

Пенни поежилась. Она не знала, как разговаривать с подругой спустя шесть лет после ссоры.

– Да. Похоже на то...

– Сейчас бы построить горку во дворе, а не это вот все, – буркнула Кэт, и разговор завершился.

Она добавила громкости в стереосистеме, и голос диджея зазвучал так, будто тот сидел тут же, в машине, на заднем сиденье. Он включил новый трек, и Пенни с Кэт переглянулись. Заиграла старая песня популярной группы времен их раннего детства.

– Кто сейчас слушает такое? – шепнула Кэт так тихо, будто из последних сил сдерживалась, чтобы не начать подпевать.

– Могу поклясться, что до сих пор помню каждое слово.

*We're driving slow through the snow on Fifth Avenue
And right now radio's all that we can hear
Now we ain't talked since we left, it's so overdue
It's cold outside but between us it's worse in here...*

Мы медленно едем по заснеженной Пятой авеню,
И в этот миг звук радио – единственное, что мы слышим.
За всю поездку мы не сказали друг другу ни слова – стоит
ли теперь?

Снаружи холодно, но гораздо страшнее холод между нами...

Пенни захихикала, хотя песня вовсе не была веселой, а просто будила воспоминания о детстве. Кэтрин отвернулась, чтобы рассмеяться. Не то настроение. Вроде бы и текст печальный, и ситуации подходит, а все равно смешно. Пенни задумалась о словах Кэт, вспоминая, как они втроем отплясывали под хиты ABBA или представляли себя новыми солистками Pussycat Dolls, которых мамы запрещали слушать и уж тем более смотреть их клипы.

Горка во дворе – это было бы прекрасно.

И снежные ангелы. И столько горячего шоколада, чтобы к февралю зубы заболели. Попкорн и «Чудо на -й улице». А если вдруг родители Тейлор уедут и устроят девочкам ночевку под присмотром ничего не замечающей няни, то танцевать до самого

утра, наряжаясь в шикарные платья миссис Джонсон, и пить эгг-ног. Но все это было из ушедшего детства, а в восемнадцать ты уже вроде как не имеешь права на рождественское чудо.

– Ты не замерзнешь? Дать тебе шарф?

Кэт кивнула на заднее сиденье, заваленное самыми разными вещами. Там лежали кусок баннера, мотки гирлянд, видимо требующих починки, и даже – вот неожиданность! – мужские кроссовки, торчащие из сумки.

– Нет, мне же всего пару кварталов.

Сердце у Пенни сжалось от заботы бывшей подруги. Очередное чудо? Если их троица в конце концов помиритя под Новый год, придется поверить.

– Ну смотри. Не хочу, чтобы одна из моих номинанток свалилась с ангиной и пропустила все репетиции. Без обид, но твоя задача – быть живо и здоровой не только тридцать первого.

Ну конечно! Дело не в дружеской заботе. Свернув с центральной улицы, машина Кэти покатила в сторону тихого пригорода и через пару минут остановилась у поворота на Грин-Плейс. Район, в котором жили Брауны и Уилсоны, напоминал маленький городок с рождественской открытки.

Тут не было особняков, подобных тому, в котором жили Джонсоны, но это были дома среднего класса или чуть выше среднего. В Грин-Плейс было свое правление, и оно проводило конкурсы лужаек и праздничных украшений. У них был собственный бассейн со зрителем и установленные правила выгула собак. Это было одно из тех уважаемых мест, где жить приятно и комфортно, и Пенни искренне его любила, хоть радость и омрачал тот факт, что с момен-

та переезда из крошечной квартирки родители практически перестали бывать дома.

Она брела по мигающей гирляндами улочке.

В воздухе пахло печеньем, потому что этим вечером его пекли буквально в каждом доме: хозяйки собирались полночи простоять у духовки, так как на завтра была назначена ярмарка. Несмотря на холод, Пенни наслаждалась прогулкой и старалась не думать о Люке и Тейлор. «Буду думать о шоколадном печенье, которое напекла мама».

Пенни дошла до дома и поняла, что ей предстоит снова пройти квест с залезанием в окно. А может, ну его и просто зайти через главный вход?

Родители уже точно спят, иначе и быть не может, два часа ночи, а им к семи на ярмарку и к восьми в больницу. Миссис Браун была не из тех, кто откладывает все на потом, и скрупулезно подошла к своей задаче с печеньем, хотя готовить не умела и не любила.

Пенни запрокинула голову и присвистнула. Стена, дерево, скобы, которые Люк считал удобными.

Это выглядело ужасно опасно и очень высоко. Подняться показалось куда страшнее, чем спуститься, – быть может, потому, что никто не ловил?

Пенни с тоской посмотрела на дом Люка и тихонько пробралась к соседям на задний двор. Все спали, свет в окнах не горел. Видимо, миссис Уилсон тоже ответственная и не печет печенье в ночи. Хотя Сара была из тех, у

кого сладости дома есть всегда: ей-то наверняка не пришлось париться и распечатывать десяток рецептов из интернета.

«Какого черта ты, Уилсон, шастаешь ко мне, когда у тебя тут целая лестница?» – прошептала сама себе Пенни, стиснув зубы. К окну Люка была приставлена самая настоящая лестница, не то что какие-то там скобы. Она выглядела ветхой, но ступеньки лишь слегка припорошило снегом: ею явно пользовались, и достаточно часто. Было до жути холодно и хотелось в тепло, но Пенни точно сорвалась бы с дерева, которое, по мнению Люка, было невероятно удобным в качестве ступеньки.

Зато его лестница выглядела безопасной. Она доходила до самого окна, но было неясно, откроется ли створка.

«Если я упаду, это будет на твоей совести, Уилсон». Пенни потопталась на месте, как будто готовясь к прыжку, и сделала первый шаг. Ступенька не скрипнула, не прогнулась. Выглядело все довольно надежно, поэтому Пенни двинулась дальше. Она преодолевала ступени одну за другой, голова кружилась от страха, и девушка даже жалела, что не сделала на вечеринке глоток коньяка: дополнительная смелость сейчас была бы как нельзя кстати. Шаг за шагом, и вот уже пальцы вцепились в ледяной карниз. Сквозь стекло была видна спальня. Пустая, но очень уютная для такого замерзшего человека, как

Пенни. У кровати спал Ральф. Почуввав движение за стеклом, он поднял голову, приблизился к окну и со знанием де-

ла надавил на створку.

– Какого черта, Ральф? Ты что вытворяешь?

Пес лениво побрел обратно, выполнив свою задачу. Пенни смотрела на него так, будто Ральф заговорил по-французски, а тот безмятежно улегся на место, вытянувшись во всю длину у кровати Люка. Пес. Открыл. Ей. Окно. Он знал, как это делается! Магия точно существует.

Пенни нерешительно перебросила ногу через подоконник и сделала последний, самый страшный рывок. Ей все время казалось, что лестница вот-вот выскользнет из-под ног и вместе с ней рухнет вниз, но этого не произошло. Раз – и Пенни уже в комнате. Исполнила мечту Люка и пробралась к нему ночью, жаль, его самого тут нет.

Она выдохнула с облегчением, почувствовав, как тело окутывает тепло. Избавилась от куртки кухни Люси, бросив ее к остальной куче вещей Люка, по которым плакала стирка. Несмело заглянула в гардероб и, помявшись у дверцы, достала одну из чистых футболок с Майклом Джорданом на спине.

– Я все постираю и верну, верно, Ральф? Уйди отсюда, как только Сара утром отправится на ярмарку. Никто ничего не заметит.

Как объясняться с Люком, который вернется ночью, Пенни не придумала. Быстро переоделась, сложила вещи на компьютерный стол и, чуть не взвизгнув от восторга, юркнула под одеяло.

– Ох, Ральф, я так замерзла! Ты не представляешь.

Голова гудела, в носу свербело и хотелось чихнуть.

– Как думаешь, что он скажет, когда вернется? – Из-под одеяла торчал только нос Пенни, но Ральф игнорировал ее не потому, что плохо слышал. Он просто-напросто спал, однако говорить с самой собой было бы глупо. – Ладно, проживем – увидим. Я слишком хочу спать.

Пенни окружал запах Люка. Она была в его футболке. И это, кажется, могло стать одновременно лучшей и худшей ночью в ее жизни.

* * *

Снег валил крупными хлопьями, и Тейлор приподняла голову. Воспоминание из детства отчетливо вспыхнуло в сознании. Она, Кэт и Пенни стояли, разинув рты, во дворе дома Тейлор и ловили самые большие снежинки. Райан, будучи взрослым старшим братом, насмешливо наблюдал за ними.

Как быстро пролетело время... Скучала ли Тейлор по девочкам? Да, конечно. Однако никогда бы в этом не призналась. Ведь ей казалось, что им перевернуть страницу было гораздо проще, чем ей.

– Ты не видела Пенни? – озабоченно поинтересовался Уилсон, крутя головой по сторонам.

Народ постепенно покидал каток. Они весело провели время и будто вновь познакомились друг

с другом, несмотря на долгие годы учебы бок о бок.

Именно в этот вечер Тейлор узнала имена нескольких школьников, с которыми проучилась двенадцать лет. Так тоже порой бывает...

– Мне кажется, она ушла с Кэт, – ответила Тейлор, и разочарование на лице Люка было таким очевидным, что ей стало не по себе. Помешала ли она чему-то важному?

– Кажется, твой парень ревнует. – Неловкая улыбка озарила красивое лицо Люка.

«Ни капельки не изменился», – пронеслось в голове у Тейлор. Он с детства одаривал всех смущенной улыбкой, стоило ему что-то сделать не так.

Именно эта улыбка, когда-то покорила двенадцатилетнюю Тейлор, которая со всей решимостью была готова заставить обаяшку Уилсона стать ее первым бойфрендом. С тех пор прошло столько лет, и больше от его улыбки ее сердце не екает, а лишь наполняется ностальгией по детству.

Выпускной класс. В этом году они скажут «прощай» школе, и каждый из них пустится в новое приключение своей жизни. Тейлор испытывала смешанные чувства. Она боялась и одновременно жаждала этого. А что, если ее новый старт будет абсолютно другим? Что, если она поступит в Принстон и сможет там стать кем угодно? Что, если ей больше не нужно будет быть идеальной, несокрушимой? Наверное, слишком заманчиво, чтобы стать правдой.

– Он же не набьет мне морду? – вновь подал голос Люк и

с любопытством покосился на

Дэниела. – Даже не знаю, кто об этом мечтает сильнее: он или Гарри.

– Не переживай, никто из них тебя пальцем не тронет, – фыркнула Тейлор.

Лоренс стоял со скучающим выражением лица за пределами катка и ждал ее. Он вышел практически сразу после того, как они упали, и мгновенно переобулся в ботинки. Тейлор хотела уточнить, не ушибся ли он, но Дэн был на взводе, и она решила не докучать. Вокруг него уже минут двадцать кружила Эм, без устали что-то тараторя, и получила в ответ от Дэна кивок головы и многозначительное «угу». Впрочем, не сказать, что это сильно расстраивало Новак. Она не прекращала попыток. В душе у Тейлор что-то неприятно кольнуло. Захотелось оттащить Эмбер за волосы подальше от Лоренса.

А еще лучше – всучить ее в руки пьяному Гарри!

Этот недоумок весь вечер взглядом сверлил в Тейлор дыру. Она не понимала зачем, понятия не имела, что творится у него в голове, но и разбираться не планировала. Гарри упустил ее. Променял.

– Кажется, Эм не прочь отбить у тебя парня, – пробубнил под нос Люк. – Но если хочешь знать, не думаю, что у нее есть шансы, – заговорщически улыбаясь, добавил он, однако улыбка не тронула его глаз.

Грустный Большой Волк Уилсон, Пенни оставила его од-

ного... Тейлор казалось, что она одна из немногих, кто видит, что между Браун и Уилсоном все не так уж и просто. На самом деле по

непонятной причине народ считал, что Пенни хвостиком бегаёт за Уилсоном, а он ее не замечает.

За глаза над ней посмеивались, и существовала масса шуток о том, что это первый случай в истории, когда мыши охотятся на волков.

Лоренс смотрел прямо на Тейлор, и она никак не могла разобрать, что означает его взгляд. Его глаза... В них будто назревала буря. Эмбер продолжала что-то назойливо болтать, однако Дэн не удостоил ее даже кивка. Он глаз не сводил с Тейлор, и она чувствовала, как покрасневшие на морозе щеки становятся еще алее.

– Ладно, я пойду?

Люк, понутив голову, помог ей доехать до выхода с катка и, будучи джентльменом, придержал для нее тяжелую металлическую калитку. Неожиданно перед глазами Тейлор мелькнула протянутая ладонь.

Она подняла взгляд и наткнулась на серьезные голубые глаза Лоренса. Было странно не видеть в их уголках смешинки и дразнящей улыбки на губах.

Тейлор оперлась о его руку, принимая помощь.

– Спасибо, – прошептала она, и облачко пара сорвалось с губ вместе со словами.

Дэн стоял слишком близко. Коньки делали ее выше, и их

губы оказались напротив. Между Лоренсом и Джонсон повисла тягучая пауза. «Кажется, твой парень ревнует», – эхом отозвался в голове голос Уилсона. Нет-нет, Лоренс просто злится. Он упал, и наверняка Эм своими глупыми разговорами довела его почти до нервного срыва. Дэниел не

выносил пустышек. Так он называл поверхностных людей и в их категорию даже как-то вписал Гарри, всерьез поинтересовавшись у Тейлор, что она нашла в этом пустышке недопринце. Тейлор знала ответ... Она создавала себе имидж и строила планы на корону королевы бала. «Может, я и сама была пустышкой», – пронеслось у нее в голове.

– Кто-нибудь видел мои ботинки? – раздался раздраженный возглас Хитклиффа неподалеку.

Глаза Лоренса сверкнули, подсказывая Тейлор, что он в курсе произошедшего. Но Дэниел лишь пожал плечами и, покачав головой, произнес:

– Приятель, не имею ни малейшего понятия!

Он не выпустил руку Тейлор, а наоборот, подвел ее к лавочке и помог переобуться.

– Я не маленькая и сама могу, – пропыхтела она, застигнутая врасплох его заботой.

Лоренс скептически приподнял бровь, но не проронил ни слова. Одно радовало: Эмбер наблюдала за ними с кислым выражением лица. Гарри же прожигал Тейлор взглядом, полным ненависти и ревности. «Вот придурок», – подумала она. И хотя в начале вечера ей казалось, что она испытает триумф

при виде этих двоих в таком состоянии, этого не произошло. Джонсон слишком устала, а клубок ее чувств настолько запутался, что не было сил распутывать. Она перевела взгляд на Уилсона, который хмуро уточнял у ребят, с кем именно и когда уехала Пенни. Вид у него был встревоженный. Дэниел проследил за взглядом Тейлор и плотно сжал губы.

– Пошли, – слишком резко произнес он и тут же устало прикрыл глаза.

Тейлор непонимающе захлопала ресницами.

Какая муха его укусила? Она встала, и после коньков ее угги показались такими удобными, что она чуть не замурчала. Однако угрюмый вид Лоренса не позволял полностью расслабиться. Парень молча пошел к машине, а она семенила следом, не в силах понять, что именно испортило ему настроение.

Он открыл ей дверцу и, обойдя машину, сел на водительское место. Завел двигатель, и автомобиль резко тронулся. Было непривычно не слышать глупых шуток и издевок со стороны Лоренса. Молчание становилось натянутым и тяжелым. Тейлор не выдержала.

– Что случилось? – шепотом спросила она, и ее вопрос повис в тихом и уютном салоне автомобиля.

Дэниел не спешил отвечать. Он барабанил по рулю, будто нервничал, пытаясь подобрать правильные слова. Тейлор ждала, пауза затягивалась.

Ответа так и не последовало. Вдали показался ее дом, но

Дэн все еще молчал.

– Зачем ты позвала меня? – наконец хрипло спросил он, паркуя машину на обочине дороги.

Тейлор замерла и опустила взгляд на руки.

– Посмотри на меня, – потребовал Лоренс. – И скажи, зачем ты позвала меня, если у тебя уже есть этот Уилсон и он отлично справляется с тем, чтобы заставить твоего придурка бывшего

ревновать? – Слова Дэна звучали непривычно грубо и резко. – Ты используешь всех вокруг, как тебе захочется, – не дожидаясь ее ответа, бросил Лоренс и, резко распахнув дверцу, вышел, захлопнув ее за собой.

Тейлор ошарашенно смотрела, как он удаляется.

Она использует всех вокруг? Внутри поднималась волна негодования. Сам того не зная, Дэн задел ее за живое. Всю жизнь ей приходилось полагаться только на себя. Ведь все как раз таки обстояло наоборот. Это все вокруг пользуются ею! Все, кому не лень, притворяются друзьями, а потом сплетничают за ее спиной и предают.

Тейлор резким движением распахнула дверцу машины. Ее всю трясло. Не до конца осмыслив, что именно она собирается сделать, Тейлор быстро слепила снежок и запустила его в спину Лоренса.

Она попала в цель по заветам старшего брата: прямо за шиворот.

– Черт! – ругнулся Дэн и, повернув голову, встретился с

ее горящим взглядом.

Тейлор чувствовала, как от влажного воздуха волосы на голове встают дыбом – шапка-то осталась в машине! Она боролась с желанием пригладить волосы и во весь голос наорать на Лоренса.

– Я не использовала тебя! – хрипло выпалила Джонсон. – А попросила помочь!

– Побывать твоим мальчиком на побегушках? – саркастически поинтересовался Лоренс, приподняв бровь, и сделал несколько шагов е

навстречу. – Мне кажется, у тебя и без меня их достаточно. – Его глаза недобро сверкнули. – Я не буду одним из них, Тейлор.

То, что, по его мнению, она им воспользовалась, обескуражило девушку. Это был слишком длинный день. В уголках глаз начали собираться слезы.

– Найди кого-нибудь другого для игр со своим бывшим. Я в этом больше не участвую.

– Он изменил мне, – тихо-тихо прошептала Тейлор, расстроенно качнув головой, но Дэн ее услышал. – Изменил с идиоткой Эмбер Новак, которая крутилась возле тебя. Такая же оранжевая, как тыква на Хеллоуин! – отчаянно закричала Тейлор. – Он говорил, что любит меня, что мы обязательно поступим в один колледж! А на деле я нужна была лишь для вида, понимаешь?

Дэн поджал губы; выражение его лица было таким суро-

вым, что Тейлор пожалела о том, что высказала все вслух. Вот сейчас он начнет ее жалеть или воспитывать, а ей не нужно ни то ни другое.

Но она не могла остановить поток слов.

– И так каждый раз. Я нужна людям лишь для вида! Завершающая деталь их имиджа, некая ступенька социальной лестницы по имени Тейлор Джонсон. Но кому нужна я настоящая? – Она не выдержала и заплакала, злясь на саму себя и размазывая по щекам непрошенные слезы. – Я порвала с ним, и он официально позвал Эм на бал. Но мне не с кем пойти, Лоренс! Самой популярной девочке школы НЕ С КЕМ ПОЙТИ! – Признание

давалось ей нелегко. Она чувствовала себя нытиком и последней идиоткой, произнося все это вслух. – Вот и вся история, – обескураженно подвела она итог. – Вот почему я позвала лучшего друга своего брата. У меня нет друзей. У меня... никого... нет.

Лоренс потянулся к ее плечу с желанием обнять и успокоить, но Тейлор сбросила его руку и, резко помотав головой, сурово предупредила:

– Не смей меня жалеть! – Его жалость – последнее, в чем она нуждалась. И без того этот день был полон унижений. – И да, ты мне ничего не должен. Буду ходить на репетиции одна. В эру феминизма можно танцевать вальс в одиночестве, как думаешь?

Она горько ухмыльнулась и, увидев раскаяние в глазах

Дэниела, не выдержала и, сорвавшись с места, убежала. Он провожал ее взглядом. Растерянный и ошеломленный. Его поразило, с какой твердостью она запретила ему жалеть себя. А между тем все, что ему хотелось сделать, – обнять ее и рассказать, насколько она дорога ему. Никто и представить себе не может, как сильно она погрязла в одиночестве, окруженная всеобщим обожанием и вниманием. Никто. Кроме Лоренса.

* * *

– Ральф, закрой форточку...

Но, кажется, пес умел ее только открывать, иначе почему в комнате было так дьявольски холодно?

Пенни укуталась в одеяло и закашлялась. Горло болело. Кашель отдавался неприятной вибрацией в груди и не приносил облегчения, а нос напрочь перестал дышать.

– Ральф, ко мне. Я замерзла.

– Мы не пускаем животных в кровать, Пеннипони, – раздался голос совсем рядом.

Пенни решила, что спит, и не придавала этом значения. Последний час она провела между сном и явью, так что явление Люка Уилсона совсем не удивляло. Действительно, что ему делать в собственной комнате? Для Пенни это было абсолютно логично. Да, разумеется. Люк должен ночевать в ее комнате, а она в его, потому что так легли карты.

Она должна спать с Ральфом, а у ее кровати сидит здоровяк Майкл Джордан. Откуда? Он сошел с постера на стене где-то полчаса назад, потом что поспорился с Леброном Джеймсом, Пенни это отчетливо слышала. Вообще-то она была за Леброна, но у ее кровати сидел Майкл. А теперь еще и Люк.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.